

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА А. И. ПОЛЕЖАЕВА

Обзор В. Баранова

Среди поэтов первой половины XIX в. Полежаев давно приобрел вполне заслуженную репутацию сильного и оригинального таланта. Жизнь Полежаева сложилась исключительно тяжело и дарование его не получило полного развития. Однако и в тех условиях, в каких он жил, его талант дал литературе своеобразную, резко индивидуальную лирику. Напряженность и острота личных переживаний перерастают в ней личные рамки и приобретают большой социальный смысл. Это — политические документы современника великой катастрофы 1825 г., жестоко потерпевшего и надломленного.

На протяжении ста лет поэзия Полежаева сохранила свою действенность. Современность без сомнения уделит Полежаеву заслуженное им внимание и в исторических схемах Полежаев займет то место, которое принадлежит ему по праву.

Литературное наследство Полежаева невелико. Если, опираясь на его собственное показание, начало его поэтических опытов отнести ко времени пребывания его в пансионе швейцарца Визара, то на всю литературную его жизнь падает не более двадцати лет. Все, что кроме произведений, напечатанных в прежних изданиях, посчастливилось нам выявить до сих пор, составляет 136 стихотворений разной величины — от poem в шестьсот стихов до двустихия-экспромпта. В эту общую сумму входит девятнадцать переводов. Проза Полежаева никем еще не обнаружена, кроме тех небольших отрывков, которые сопровождают некоторые его стихотворения в качестве пояснительных примечаний. Впрочем есть основания думать, что не все эти примечания принадлежат поэту. Эпистолярное наследие Полежаева до нас не дошло, кроме двух-трех отрывков, сопровождающих его стихотворения. Переводы распределяются равномерно по всей его литературной деятельности и характерны как для первых его поэтических опытов, так и для последних дней.

І. ПОЛЕЖАЕВ В ПЕЧАТИ

Первый журнал, открывший свои двери стихотворениям талантливого студента, был „Вестник Европы“ М. Т. Каченовского. Полежаев начал печататься с 23—24-й книжки „Вестника Европы“ за 1825 г. Его печатными первенцами были два стихотворения — переводное из макферсонова Оссиана „Морни и тень Кормала“ и оригинальное — „Непостоянство“. В следующем году в течение более полугода стихотворения его продолжают печататься на страницах „Вестника Европы“ в таком порядке:

1.	1825 г.	№ 23—24	Стр. 181—182	„Морни и тень Кормала (из Оссиана)“.
2.	1825 „	„ 23—24	„ 184	„Непостоянство“.
3.	1826 „	„ 1	„ 27—28	„Воспоминание“.
4.	1826 „	„ 1	„ 32—33	„Любовь“.
5.	1826 „	„ 2	„ 81—84	„Восторг — дух божий“.
6.	1826 „	„ 3	„ 166—168	„Восторг, восторг, питомцы муз“.
7.	1826 „	„ 5	„ 35—36	„Ночь“.
8.	1826 „	„ 11	„ 161—177	„Иман-козел“.
9.	1826 „	„ 12	„ 281—290	„Гений“.
10.	1826 „	„ 15	„ 204—206	„Злобный гений“.
11.	1826 „	„ 15	„ 206—207	„Юность“.

Со времени отдачи Полежаева в солдаты (сентябрь 1826 г.) стихотворения его исчезают со страниц журналов и появляются вновь лишь с января 1829 г., прежде всего — в новом журнале С. Е. Раича „Галатея“. Стихотворения никогда не сопровождаются полной подписью, а обычно инициалами: ...ъ...ъ, ...ръ въ..., А. П. или 1—15. Приводим их перечень:

1. 1829 г.	Ч.	I, № 3,	стр. 151	„Вечер“ (Вечерняя заря).
2. 1829 „	Ч.	I, „ 6,	„ 131	„Валтасар“.
3. 1829 „	Ч.	II, „ 10,	„ 209	„Песнь пленного ирокезца“.
4. 1829 „	Ч.	III, „ 12,	„ 41	„Другу при посылке стихов“.
5. 1829 „	Ч.	III, „ 14,	„ 161—162	„К... („Ты мне чужой! Не с давних лет...“).
6. 1829 „	Ч.	IV, „ 22,	„ 32	„Кремлевский сад“.
7. 1829 „	Ч.	V, „ 26,	„ 57	„Табак“.
8. 1829 „	Ч.	VI, „ 30,	„ 227	„Оставлен всеми одинок“...
9. 1829 „	Ч.	VII, „ 35,	„ 196	„На смерть Темиры“.
10. 1829 „	Ч.	VIII, „ 40,	„ 196	„Песня“ (из Панара).
11. 1829 „	Ч.	X, „ 49,	„ 158	„Ренегат“ (отрывок из поэмы „Гарем“).
12. 1830 „	Ч.	XI, „ 4,	„ 226—227	„Живой мертвец“.
13. 1830 „	Ч.	XII, „ 11,	„ 250—251	Отрывок из поэмы „Узник“ („И я в тюрьме“).

В журнале „Телескоп“ Н. И. Надеждина появились с 1830 по 1836 г. следующие стихотворения Полежаева:

1. 1831 г. Ч. III, № 12, стр. 463—465 „Провидение“.
2. 1832 „ Ч. III, „ 11 „ 307—308 „Ожесточенный“.
3. 1832 „ Ч. VII, „ 3 „ 480—482 „Море“.
4. 1836 „ Ч. XXXIII, стр. 51—52. Песня „Разлюбил меня, покинь меня“.
5. 1836 „ Ч. XXXIII, № 12, стр. 457—458 „Отчаяние“.

В „Московском Телеграфе“ Н. А. Полевого появилось единственное стихотворение Полежаева „Валтасар“ (1829 г., № 2, стр. 175), одновременно появившееся в журнале „Галатея“ С. Е. Раича 1829 г., ч. I, № 6, стр. 38. Это обстоятельство привело к острой пикировке между журналами.

В „Московском Наблюдателе“ нашли себе приют два стихотворения Полежаева: „Грусть“ и „Черные глаза“ (1838 г., кн. II, ч. 16, стр. 202 и стр. 271).

В возобновленном после десятилетнего перерыва журнале „Галатея“ за 1839 г. появилось, уже после смерти Полежаева, два стихотворения: в № 3, стр. 201—202 „К моему гению“ и в том же году в ч. 2, № 13, стр. 305 „Людовик XVII“ (без указания, что это перевод из В. Гюго).

На страницах петербургских журналов стихотворения Полежаева появлялись очень редко. В „Сыне Отечества и Северном Архиве“ в 1832 г., № 8, стр. 52 было напечатано известное стихотворение Полежаева „Песнь погибающего пловца“. В 1838 г. в „Сыне Отечества“ (т. III, май—июнь, отд. I, стр. 16—20) напечатана первая глава поэмы Полежаева „Кориолан“ под названием „Рим“. Стихотворение прислано в журнал согласно воле поэта за несколько месяцев до его смерти. Об этом осведомляет читателя теплая некрологическая заметка (там же, отд. III, стр. 44).

В „Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду“ в 1838 г. помещено три стихотворения: в № 17, стр. 327 „Духи зла“ (стихотворение известно под названием „Тайный голос“), в № 20, стр. 384 „Грешница“ (стихотворение в авторитетной копии сборника „Урна“, известно под названием „Из VIII главы Иоанна“) и наконец в № 23, стр. 144 стихотворение „Русская песня“ („Долго ль будет вам безумолку идти...“).

В „Литературных Листках“, прибавлении к „Одесскому Вестнику“:

1. 1833 г., № 35—36, стр. 304—307 „Бонапарте“ (из Ламартина).
2. 1833 „ „ 37—38—39—40, „ 314—317 „Герменчукское кладбище“.
3. 1834 „ „ 6—7, „ 55 „Цыганка“.
4. 1834 „ „ 6—7, „ 55—56 „Раскаяние“.
5. 1834 „ „ 12—13—14—15, „ 83 „Море“.

В официальных сборниках Московского университета „Чтения в Обществе любителей российской словесности при имп. Моск. университете“ за 1826 г., ч. VII, стр. 249—269 напечатана переведенная Полежаевым поэма Байрона „Оскар Альвский“ и в том же году в части VI того же сборника, стр. 211—220 напечатано стихотворение „Смерть Сократа“ (перевод из Ламартина).

В официальном университетском сборнике „Речи и стихи, произнесенные в память незабвенных благотворений Александра Первого Московскому Университету при воспоминании дня основания оного“ напечатана ода, исполненная Полежаевым по заказу университетского начальства. Присвоенное во всех прежних изданиях Полежаева название этого стихотворения перенесено очевидно с книги.

В различных московских альманахах 1825—1836 гг. появились следующие стихотворения Полежаева:

1. В альманахе „Уrania“ М. П. Погодина (М., 1826) „Человек. К Байрону (из Ламартина)“. Стр. 269—287.
2. В альманахе „Эхо“ (М., 1830) „Наденьке“.
3. В альманахе „Венера“ (М., 1831, ч. I) „Песня“ („Зачем задумчивых очей“). Стр. 148—149.
4. В альманахе „Северное Сияние“ (М., 1831) „Глас несчастливца“ (Цепи). Стр. 178—179.
5. В альманахе „Эверта“ (М., 1836) „Живой мертвец“, под заглавием „Вертер (фантазия)“.
6. В альманахе „Новогодник“ Н. В. Кукольника (М., 1839) „Прощание с жизнью“. Стр. 346.

При жизни Полежаева вышли следующие четыре издания его стихотворений:

1. Стихотворения А. Полежаева, М., 1832.
2. Эрпели и Чир-Юрт. Две поэмы А. Полежаева. М., 1832.
3. „Кальян“. Стихотворения А. Полежаева. М., 1833.
4. „Кальян“. Стихотворения А. Полежаева. 2-е изд. М., 1836.

Первый сборник его стихотворений представляет загадку для исследователей и библиографов. Кто был издатель Полежаева — неизвестно. Он не только издал полученную им рукопись, но деятельно хлопотал о том, чтобы некоторые стихотворения, еще не печатавшиеся в журналах и альманахах, были в них напечатаны до выхода книги в свет, сам рассылал по редакциям списки стихотворений. Это не был повидимому спекулятор-книгопродавец. Установить его личность является тем более важным, что очень велика роль этой книжки стихотворений поэта в создании и установлении его первой славы. В своих беглых автохарактеристиках поэт называл себя „честолюбивым созданием“ („Эрпели“, гл. VIII, стих 161) „славы жадным“ („Чир-Юрт“, гл. I, стих 51, „Венок на гроб Пушкина“, гл. V, стих 231). Сам ли он хлопотал над созданием этой славы или кто-нибудь помогал ему, ответа на этот вопрос пока еще не дано.

Нам известно о книжке 1832 г. немного. Цензором ее был Сергей Тимофеевич Аксаков, оканчивавший в этот год свою миссию цензора (1827 — 1832). Автор „Семейной Хроники“ отнесся сурово к произведениям разжалованного солдата-студента: пострадали даже произведения, помещенные ранее в периодических изданиях без пропусков.

Вот несколько характерных пропусков цензурных цитат в стих. „Цепи“, стр. 99, которые заменены точками:

7. И угнетен ярмом бесславным.
8. В цветущей юности моей.
- 25—28. Стремлюсь в жару ожесточенья
Мои оковы раздробить
И жажду сладостного мщенья
Живую кровью утолить.
- 35—36. И замирает сталь отмщенья
В холодных трепетных руках.

В стихотворении „Вечерняя заря“ пропуски еще более значительны и многоточия сдвинуты.

Стихотворение „Рок“ не окончено и пропуск не обозначен.

Стихотворение „Четыре нации“ отсутствует вовсе. В пьесе „День в Москве“ С. Т.

Аксаковым стих.: „Погони ожидал как будто смертной казни“ изменен. Оставлено лишь „Погони ожидал“, а прочее заменено многоточием.

Тридцать стихотворений сборника уже ранее было напечатано в московских журналах и альманахах, 24 стихотворения печатались в сборнике впервые:

„Погребение“.

„Рок“.

„Песнь погибающего пловца“.

„Звезда“.

„Кольцо“.

„Букет“.

„К друзьям“.

„Ночь на Кубани“.

„Ожидание“.

„Водопад“.

„Песня“ („У меня ль молодца“).

„Песня“ („Там на небе высоко“).

„Романс“ („Пышно льется светлый Терек“).

„Романс“ („Одел станицу мрак глубокий“).

„Романс“ („Утро жизнью благодатной“).

„Черкесский романс“.

„Черная коса“.

„Мертвая голова“.

„Акташ-Аух“.

„Тарки“.

„День в Москве“.

„Кредиторы“.

„Чудак“.

„Мечта“ (из Ламартина).

Всей книжке поэт предпослал посвящение: „Другу моему А. П. Л.“ Хотя инициалы эти не составляют загадки и имя Александра Петровича Лозовского раскрыто в позднейших изданиях стихотворений Полежаева, но личность А. П. Лозовского и сущность этой дружественной связи биографами не выяснена до сих пор.

Издателем Полежаева 1832 г. А. П. Лозовский не был. Есть основание думать, что издатель имел рукопись поэта, но не собирал стихотворений по журналам; о том свидетельствуют многочисленные варианты против журнальных текстов. Вероятно Полежаев прислал рукопись из крепости Грозной. Впрочем невыдержанность хронологической последовательности в размещении стихотворений говорит за то, что порядок установлен издателем в отсутствии поэта.

Следующую книгу его составили две кавказские поэмы „Эрпели“ и „Чир-Юрт“, посвященные: первая воинам Кавказа, вторая—тому же „А. П. Л.“ (Александру Петровичу Лозовскому).

Эти две поэмы Полежаева вышли в один год с предыдущим сборником, одна вскоре после другой.

Летом 1832 г., когда поэт был еще в чеченской экспедиции, на синих обложках „Московского Телеграфа“, № 12 (июнь) и № 16 (август) печаталось следующее объявление:

„В Конторе „Московского Телеграфа“, состоящей у Тверских ворот напротив Страстного монастыря в доме Римского-Корсакова под № 2, продаются следующие книги: Стихотворения А. Полежаева. М., 1832 г., в бум. 10 р. асс. Эрпели и Чир-Юрт. Две поэмы Полежаева. М., 1832 г., в бум. 5 руб.“¹

В журнале „Сын Отечества и Северный Архив“ 1832, № 8, стр. 52 напечатана „Песнь пленного ирокезца“ с примечанием под текстом: „Из собрания стихотворений А. Полежаева, на которые принимается подписка в книжном магазине Н. Н. Глазунова в Москве. Цена на веленовой бумаге 5 р. с пересылкой 6 р.“

„Кальян“. Стихотворения А. Полежаева (М., 1833). Книжка вышла осенью 1833 г. Помета Цензурного комитета — „29 сентября“. Книжке был предпослан литографированный портрет работы Ястребилова: поэт в унтер-офицерском мундире. Два стихотворения были напечатаны предварительно в „Литературных Листках“, приложении к „Одесскому Вестнику“ („Бонапарте“ (из Ламартина) и „Герменчугское кладбище“. Два других — „Цыганка“ и „Раскаяние“ — уже по выходе из печати сборника. Остальные двенадцать стихотворений в сборнике „Кальян“ напечатаны впервые:

„Троянки“. Кантата (из Делявина).

„Видение Брута“.

„Демон вдохновения“.

„Лунный свет“ (из Гюго).

„Сон девушки“.

„Ахалук“.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ СБОРНИКА А. ПОЛЕЖАЕВА «КАЛЪЯНЪ» С ЛИТОГРАФИЕЙ А. ЯСТРЕБИЛОВА, С ПОРТРЕТА РАБОТЫ А. УТКИНА

„Призвание“.

„Степь“.

„Окно“.

„Песнь горского ополчения“.

„Отрывок из послания к А. П. Л... у“.

„Иван Великий“.

Сборник выдержал два издания. Второе цензуровано 13 сентября 1835 г. и так же, как и первое, — цензором профессором Московского университета И. М. Снегиревым.

Рукописи двух последних сборников стихотворений Полежаева, отданных в Московскую цензуру, первая в 1835, а вторая 1837 г., были долго задержаны цензурой и оказались посмертными.

„Арфа“. Стихотворения А. Полежаева. Москва, в типографии В. Кириллова, 1838 г.

„Часы выздоровления“. Стихотворения А. Полежаева. Москва, в типографии Алексея Евреинова, 1842 г.

Первый сборник с заглавием „Разбитая арфа“ отдан в Московскую цензуру едва ли не самим поэтом. Цензор проф. М. Т. Каченовский отметил в пьесе „Кориолан“ „идеи, могущие в некоторых легковверных читателях возродить и питать мысли в пользу либера-

лизма и тем самым оказывать неблагоприятное для правительства влияние" (из рапорта его на имя министра народного просвещения от 6 февраля 1835 г.). Цензору было предоставлено Главным управлением цензуры право не давать дозволения рукописям, несогласным с цензурными постановлениями, вследствие чего и „Разбитая арфа“ была возвращена в Москву. Новое рассмотрение лишило ее названия „Разбитая“. Из состава этого сборника была совершенно исключена первая глава „Кориолана“—„Рим“. Пострадало от цензурского карандаша несколько выражений, „может быть и сообразных с духом римлян, но неприличных ни для автора, ни для читателей, благоденствующих в стране под монархическим правлением“².

По желанию самого поэта, выраженному за несколько месяцев до смерти, исключенная цензурой первая глава „Рим“ была послана как отдельное произведение в Петербург, где была пропущена петербургскими цензорами Крыловым и Корсаковым и напечатана в журнале „Сын Отечества“ (1838 г., № 5, стр. 16—20).

Другие стихотворения сборника от цензуры не пострадали. В их числе были стихотворения, частью напечатанные в журналах („Черные глаза“—в „Московском Наблюдателе“ 1838 г., кн. 2, ч. 16, стих. 1—60; полный текст—в „Арфе“, „Божий суд“ („Тайный голос“) — в „Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду“ 1838 г., № 17, стр. 326 под названием „Духи зла“, „Сарафанчик“ — в „Библиотеке для чтения“ О. И. Сенковского 1839 г., т. 37, № 12 и „Грусть“ — в „Московском Наблюдателе“ 1838 г., кн. 2, ч. 16).

Новыми в составе „Арфы“ были стихотворения:

1. „Кориолан“ (кроме 1-й части „Рим“).
2. „На болезнь юной девы“.
3. „К Е...И...Б...й“.
4. „Баю-баюшки-баю“.
5. „Разочарование“.
6. „Автор и читатель“.
7. „Картина“.
8. „Глупой красавице“.
9. „Атеисту“.
10. „Напрасное подозрение“.

Состав сборника „Часы выздоровления“, вышедшего только в 1842 г., определился еще в 1837 г. при жизни Полежаева. Да и самое название вряд ли дано без ведома поэта. П. А. Ефремов находил это заглавие неграмотным и не имеющим смысла, с чем трудно согласиться. Если принять к сведению, что последние годы (1836—1837) поэт жестоко пил, а последние полгода был прикован к постели разрушительным легочным процессом—смысл заглавия получит объяснение.

В состав сборника, сильно запоздавшего выходом в свет из-за цензурных осложнений, вошли следующие стихотворения, не печатавшиеся до того:

1. „Эндимион“.
2. „Белая ночь“.
3. „Когда-то“.
4. „К М...А...Я...ой“.
5. „Картина“.
6. „К набеленной красавице“.
7. „Прощание“.
8. „Отчаяние“.
9. „Венок на гроб Пушкина“.
10. „Узник“.
11. „Песня“ („Разлюби меня, покинь меня“).
12. „Тоска“.
13. „Последний день Помпеи“ (из Лигуе).
14. „Удивительное приключение одного стихотворца“.
15. „Глаза“.

Изданиями стихотворений Полежаева—Кетчеровским 1857 и 1859 гг. и Ефремовским

1889 г.—к перечисленному литературному наслeдству поэта присоединены следующие стихотворения:

1. Отрывок из поэмы „Марий“.
2. „Фалерий“ (из Легуве).
3. „Злобный гений“ (из Ламартина).
4. „А. П. Л. — у“ („Ты мне чужой“).
5. „К нему же“ („Ты хочешь, друг, чтобы рука“).
6. „Отрывок“ („И я в тюрьме“).

Издание Ефремова (М., 1889) присоединены к ранее известным следующие стихотворения:

1. „Сашка“. В России несколько отрывков поэмы напечатаны впервые единственно в „Русском Архиве“ за 1881 г., январь, в биографической статье Д. Д. Рябина („Александр Полежаев“).
2. „Арестант“ (первый и неудачный опыт собирания разрозненных отрывков этого большого послания к Александру Петровичу Лозовскому).
3. „Девичье поле“ (отрывок).
4. „Четыре нации“. Впервые напечатано И. М.—к. в „Библиогр. Записках“ 1859 г., стр. 634—635. В 1887 г. опубликовано в альбоме С. Д. Полторацкого. „Русская Старина“ 1887 г., окт., стр. 140—141.
5. „Имениннику“ (впервые у Огарева в „Русской потаенной литературе“ 1861 г., затем в „Русском Архиве“ 1881, т. I, кн. 2).
6. „В альбом Ф. А. Кони“.
7. „На память о себе“.

В эпоху 1850—1880 гг. тексты Полежаева публиковались в России очень редко. Это были единичные случаи. Так в 1859 г. в „Библиографических Записках“ опубликовано стихотворение „Четыре нации“.

Впрочем не лучше дело обстояло и за границей. Зарубежные полежаевские тексты опубликованы впервые Огаревым в Лондоне в составе „Русской потаенной литературы“, Лондон, 1861.

Опубликованы следующие тексты:

- „Сашка“.
- „Четыре нации“.
- „Арестант“.

Кто был литературным душеприказчиком Полежаева? В чьих руках сосредоточено было после его смерти главнейшее литературное его наследство, его рукописи, эти „клочки, четвертки и листы, души тоскующей мечты и первой юности проказы“? Увы, на этот вопрос полного ответа нет.

Неизменными друзьями Полежаева были поэты Лукьян Андреевич Якубович и Владимир Игнатьевич Соколовский, такие же, как он, бедняки, но они на один лишь год пережили Полежаева. Самым близким другом Полежаева был Александр Петрович Лозовский. На разных этапах жизни поэта (1828—1838) выражения горячей дружбы к нему получают самые трогательные поэтические формулировки.

Естественно предположить, что именно А. П. Лозовский и был частично хранителем этих рукописей: уже в марте 1838 г. им отвесена в Московскую цензуру тетрадка „Последние стихотворения А. И. Полежаева“ (13 стихотворений).

В 1916 г. в распоряжении проф. И. Л. Шляпкина находилась принадлежащая Е. Леве автографическая тетрадь, заключавшая несколько стихотворений Полежаева, переписанных им для А. П. Лозовского. Эта тетрадь, ныне находящаяся в ИРЛИ, принадлежит несомненно к числу сохранившегося у А. П. Лозовского полежаевского рукописного наследства.

К этому же фонду рукописей, хранившихся Лозовским, принадлежит и один из автографов шуточной поэмы „Царь охоты“ (см. Н. О. Лернер. „Неизданные стихотворения А. И. Полежаева“. — „Ежемесячные литературные приложения к „Ниве“ 1914 г., декабрь, стр. 638—658).

Несомненно, что фонд рукописей Полежаева, находившийся у А. П. Лозовского в 30-х годах, позднее стал редеть.

Две попытки получить разрешение на издание всех произведений Полежаева были предприняты последовательно в 1850 г. книгопродавцем П. Крашенинниковым и 1851 г. А. С. Смирдиным. Попытки успехом не увенчались, но могли повлиять на распыление основного рукописного фонда Полежаева. Смирдин, представляя в цензуру рукописи предложенных им в состав „Библиотеки русских писателей“ стихотворений А. И. Полежаева, предполагал его издать в пяти томах. Эта справка и дает нам основание считать первоначальный фонд рукописей Полежаева значительным, но разумеется утверждать, что все они находились у А. П. Лозовского, вряд ли правильно.

Одно несомненно: неудачи с изданием Полежаева могли неблагоприятно отразиться на хранении его рукописей и списков. Мысль об издании полного Полежаева пришлось оставить надолго.

В 1857 г. выходит избранный Полежаев. Издание осуществлено на средства купца-мещанина К. Т. Солдатеякова и Н. Щепкина. Редактура текста принадлежала Н. Х. Кетчеру.

Через 20 лет после смерти Полежаева на книжном рынке появилось впервые изящное издание его стихотворений, снабженное портретом (литография с портрета, но в форме рядового) и критическою статьей В. Г. Белинского. В основу редактирования Кетчер положил список стихотворений Полежаева, рекомендованный Белинским для книжки толкового избранного издания его стихотворений. Эстетическая требовательность Кетчера оказалось суровее требовательности Белинского. Много стихотворений им занесено в список „совсем уже плохих“ (стр. 209—210). В их числе оказались „Рок“, „Герменчугское кладбище“, „Бонапарте“ (из Ламартина) и др.

Исключены многие переводы. Возглавляющая текст статья Белинского—большая его статья 1842 года—переспечатана с некоторыми сокращениями.

Статья Белинского при всех неоспоримых достоинствах в отношении неизбежного установления литературной репутации Полежаева имела и отрицательное значение: она популяризировала и укрепила на долгие годы совершенно ошибочный взгляд на Полежаева, на причины его гибели и надолго отняла у значительного числа читателей восприимчивость к ее революционизирующей действительности. „Полежаев не был жертвой судьбы и никого кроме себя не мог обвинять в своей гибели“, писал Белинский, и это его суждение, носящее на себе явный отпечаток приспособления к цензурным условиям, получило самое широкое распространение и укрепило казенную версию о причине гибели Полежаева.

Издание это имело большое распространение, и через два года стихотворения вышли без изменений вторым изданием (М., 1859).

Кетчер совершенно прихотливо и произвольно вне какой-либо системы и вне хронологии разместил стихотворения Полежаева.

Следует отметить, что Кетчеру удалось воспользоваться рукописями Полежаева, предоставленными ему А. П. Лозовским. В это же время видел эти рукописи и частью успел ими воспользоваться П. А. Ефремов. Куда они делись после смерти А. П. Лозовского, остается неизвестным.

Когда в 1887—1888 гг. П. А. Ефремовым велась подготовительная работа к выпуску Суворинского издания стихотворений Полежаева, им прилагались большие усилия к выяснению судьбы этих рукописей (многократные публикации в газетах и журналах, в 1887 г.), но все оказалось тщетным.

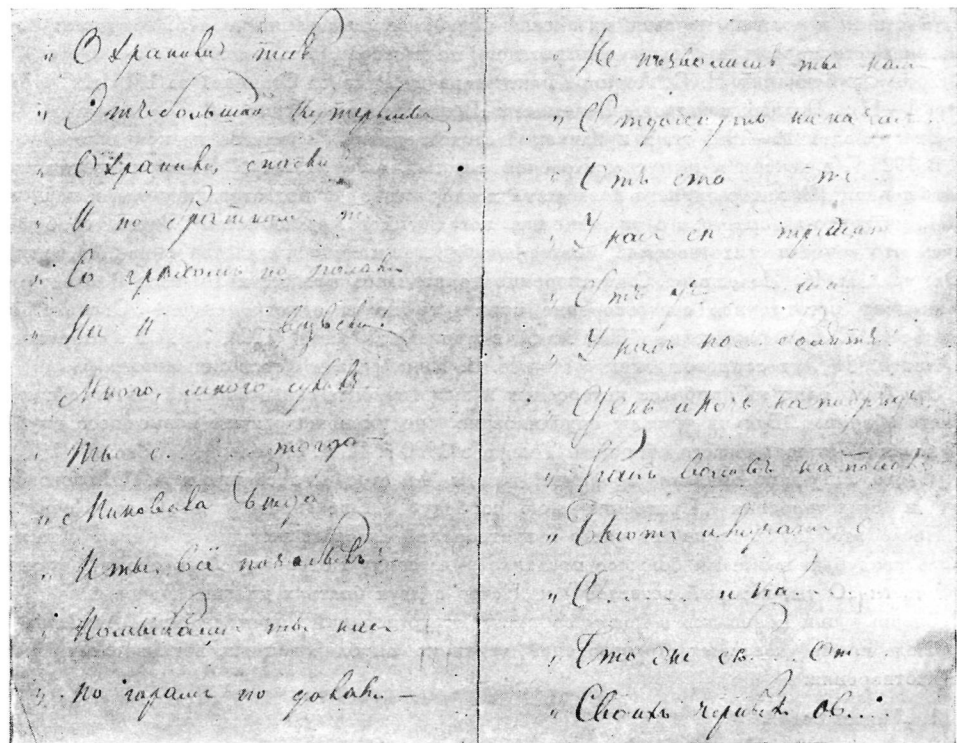
Впрочем когда вышло халтурное издание 1888 г. книгопродавца Улитина, он в предисловии ссылался на то, что некоторые стихотворения сличены с рукописями поэта, любезно предложенными Евгенией Ивановной Лозовской. Какие это были рукописи, осталось невыяснено. Последним изданием стихотворений Полежаева было издание А. Ф. Маркса под редакцией А. И. Введенского (СПБ., 1892 г.).

* * *

С 1914 г. случайные находки в Московском губернском архиве старых дел и архиве московской цензуры оживляют дело публикации новых текстов Полежаева. Лучшие

публикации принадлежат Н. О. Лернеру. Их три: 1. Неизданные стихотворения А. И. Полежаева. „Ежемесячные литературные приложения к „Ниве“ 1914 г., декабрь, стр. 638—658, 2. Из наследия А. И. Полежаева. „Ежемесячные литературные приложения к „Ниве“ 1915 г., август, стр. 579 — 590, 3. Полный текст оды Полежаева „Венок на гроб Пушкина“. „Русская Старина“ 1916, № 7, стр. 1—11.

Первая из указанных публикаций Н. О. Лернера сообщает содержание найденного в том же году рукописного не автографического, однако же авторитетного сборника стихотворений Полежаева „Урна“. Этот сборник поступил в цензуру в марте 1838 г. вскоре после смерти Полежаева, но был цензурою 22 апреля запрещен. Н. О. Лернер

СТРАНИЦЫ АВТОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ ПОЛЕЖАЕВА, ПРИНАДЛЕЖАВШЕЙ ДРУГУ
ПОЭТА А. П. ЛЮЗОВСКОМУ

Стихотворение «Опять нечто» (Ай, ахти! Ох, ура!), стихи 11—34

Институт Русской Литературы, Ленинград

опубликовал несколько неизвестных до тех пор стихотворений, вошедших в состав этого сборника:

„Он и она“ („В последний раз, прекрасная, скажи“).

„Ожидание“ („Напрасно, маменька, при мне“).

Другие стихотворения этой обширной (46 л. в $\frac{1}{4}$ д. л.) тетради дают возможность восстановить отдельные стихи и целые строфы, помещавшиеся ранее в укороченной редакции:

„Белая ночь“—целую строфу (4-ю). Стихи 37—48.

„Когда-то“—целую строфу (4-ю). Стихи 13—16.

„Картина“.—Стихи 35—36.

В том же номере „Нивы“ Н. О. Лернером опубликован по автографу текст поэмы-шутки „Царь охоты“ (610 стихов). Большое стихотворение яркими штрихами дополняет неясные стороны последних лет жизни Полежаева, неизвестные до сих пор факты биографии и дружеские связи поэта в Муромском уезде, Владимирской губернии. При отсутствии прямых документальных и мемуарных данных о последних годах жизни

поэта реалии этой поэмы-шутки позволяют отчасти дополнить дефектную биографию поэта новыми данными, а также ориентировать дальнейшие биографические разыскания.

Вторая публикация Н. О. Лернера сделала известной тетрадь „Последних стихотворений Полежаева“, переписанных рукою Александра Петровича Лозовского, отданных им в марте 1838 г. в цензуру и тоже ею не пропущенных. Здесь также имеем ряд новых текстов, к которым относятся:

„Султан“.

„Казак“.

„Наполеон“ (из В. Гюго).

„Воспоминания детства“ (из В. Гюго).

„Русский неполный перевод китайской рукописи, вывезенной в 1737 году иезуитскими миссионерами из Пекина неизвестного почитателя добрых дел“.

Третья публикация Н. О. Лернера напечатана в „Русской Старине“ за 1916 г. (№ 7, стр. 1—11): „Полный текст оды Полежаева „Венок на гроб Пушкина““.

За период 1916—1925 гг. и публикаций стихотворений Полежаева не появлялось.

В 1925 г. в вечернем выпуске „Красной газеты“, в № 315 от 30 декабря появилось сообщение: „Из литературного наследия декабристов. О подготовляющемся к печати № 3 историко-литературного временника, посвященного декабристам“. Здесь сообщалось, что в числе стихотворений поэтов-декабристов появится стихотворение „Ай, акти! Ох, ура“ А. И. Полежаева. Стихотворение приводилось в газете полностью. В следующем году приведенное стихотворение появилось почти одновременно в „Огоньке“ в статье И. С. Зильберштейна (1926, № 5), в журнале „30 дней“ (1926, № 1) и в сборнике „Атеней“ № 3 в сопровождении статьи Н. В. Измайлова и фотокопии автографа.

Это было одно из наиболее интересных и значительных стихотворений автографического сборника. Будучи трижды опубликовано, оно уменьшало шанс возможного опубликования описания всего сборника. Только в 1930 г. Г. В. Никольской („Звезда“ 1930, № 1, стр. 217) дано описание сборника, тексты 4-й строфы послания к А. П. Лозовскому и стихотворения „Притеснил мою свободу“ („Еще! нечто“) и „Село Печки“.

После этой публикации из числа стихотворений автографического сборника оставались неопубликованными большое послание „Александру Петровичу Лозовскому“ (кроме IV части „О ты, который возведен“) и „Нечто о двух братьях князьях Львовых“.

Впервые они появились в новом собрании стихотворений Полежаева изд. „Academia“.

Сюда кроме указанных стихотворений, частично опубликованных, вошли следующие стихотворения:

1. „Новая беда“.
2. „Александру Петровичу Лозовскому“ („Арестант“) (полный текст).
3. „Рассказ Кузьмы или вечер в Кенигсберге“ (истинная повесть в стихах).
4. „Оправдание мужа“.
5. „Ответ на вопрос Пушкина“.
6. „Нечто о двух братьях князьях Львовых“.

Перечисленные стихотворения существенно дополняют известное до сих пор литературное наследство Полежаева. Большая часть этих стихотворений обладает ярко автобиографическими чертами; многочисленные и немаловажные штрихи пополняют недостаточную биографию поэта.

Стихотворения „Новая беда“ и „Рассказ Кузьмы или вечер в Кенигсберге“ печатаются по копиям, сохраненным архивом Ф. А. Кони (ИРЛИ А. Н.), без всякого сомнения утвержденным авторитетом имени современника и товарища Полежаева, видного литератора и журналиста.

Особенно ценным добавлением к излюбленному Полежаевым литературному жанру стихотворной повести является, без сомнения, большой, в 610 стихов, „Рассказ Кузьмы или вечер в Кенигсберге“. Список хранит помету 25 июня 1825 года. Полежаев в университете последний год. Бойкой автобиографической повести непосредственно предшествует „Сашка“. Характерные черты стиля не оставляют сомнения в принадлежности этих стихотворений Полежаеву.

Самое крупное текстуальное приобретение в перечисленном ряду частью печатаемых вновь, частью существенно дополняемых стихотворений — большое послание поэта к лучшему его другу Александру Петровичу Лозовскому⁸. В прежних изданиях оно было известно под названием „Арестант“, не подтвержденным автографом. Впервые стихотворение печатается в совершенно полном виде, со включением стихов и слов, расшифрованных по начальным буквам или словам. Впервые стихотворению придан санкционированный автографом порядок. Прежние издания печатали или лишь отдельные части этого большого (379 стихов) стихотворения (изд. Кетчера), или проделывали безуспешно опыт соединения разрозненных звеньев этого стихотворения (изд. Ефремова) в одно целое.

Группа стихотворений иллюстрирует неизвестную до сего времени пору пребывания поэта в глуши жиздринской провинции (не ранее осени 1834 г., не позднее конца лета 1837 г.). Несколько лет подряд Тарутинский егерский полк, в котором служил Полежаев, имел расположение в г. Жиздре и селениях Жиздринского уезда. В Жиздре стоял полевой штаб полка, а в селениях Ловати, Мойлове, Маклаках и Загоричах — четыре батальона полка.

„Село с прудом, с мостом и с церковью при въезде“ — это вотчина кн. С. Н. и А. Н. Львовых Маклаково или Маклаки. „Два брата, два отставных полусолдата и с божьей помощью князя“ ничем впрочем не замечательны. Дышащая иронией картинка лениво медлительного течения жизни во львовской Обломовке писана с натуры.

Обращает на себя внимание характерный для Полежаева („Кредиторы“, „Сашка“, „Эрпели“, „Царь охоты“) чисто народный снисходительно-насмешливый взгляд на бар, лукавая усмешка под нарочито „придурковато-молодцеватым“, „солдатским“ — „не можем знать“.

II. ПРОПАВШИЕ, НЕУСТАНОВЛЕННЫЕ И МНИМЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЛЕЖАЕВА

Многие стихотворения Полежаева затерялись, не будучи никогда напечатаны.

Приводим список стихотворений Полежаева, которые до сих пор не найдены, иногда известны только по названию:

1. „Преступники“. Большая поэма, запрещенная цензурой „за безнравственность содержания“, относится к 1833 г. (Ю. Оксман. „Ученые записки высшей школы г. Одессы“, т. I, в. I. Одесса, 1921).

2. „Бог создал мир, но кто же создал бога“. Стихотворение было написано Н. И. Шаганову в Коврове, Влад. губ. в 1833 г. (А. Смирнов. „Уроженцы и деятели Владимирской губ., получившие известность на разных поприщах“, вып. III, № 46. Н. И. Шаганов. „О Полежаеве“. Владимир, 1908, стр. 101). Рукопись стихотворения пропала.

3. Многочисленные стихотворения, писанные Полежаевым на случай: например на Кавказе им была изложена стихами просьба к артиллеристу С. А. Карпову дать распоряжение вымыть палатку Полежаева, случайно загрязненную (С. А. Карпов. „Новые сведения об А. И. Полежаеве“. См. „Русский Архив“ 1882 г., т. II, вып. II, стр. 471—474).

4. Остаются неизвестными и несколько переводных стихотворений Полежаева из В. Гюго. Е. И. Библикова-Раевская („Встреча с Полежаевым“. „Русский Архив“ 1882, т. 6) свидетельствует о большой работе поэта в 1834 г. над любимой его книгой „Les orientales“ В. Гюго. До нас дошел только перевод его из этой книги „Лунный свет“. Стихотворение „Людовик XVII“ и два стихотворения из второй публикации Н. О. Лернера „Наполеон“ и „Воспоминания детства“ (см. выше) свидетельствуют о знакомстве поэта с книгами В. Гюго „Odes et ballades“ и „Les feuilles d'automne“. Таким образом несколько переводов из указанных трех сборников следует считать неразысканными. Ряд переводов из Гюго содержит печатаемая выше публикация Н. Бельчикова „Запрещенные цензурой стихотворения Полежаева“.

5. Ранний (до 1825 г.) перевод „Генриады“ Вольтера (может быть не всей поэмы, а нескольких песен ее). Основанием для допущения существования такого перевода слу-

жит рассказ А. Я. Булгакова в письме его к брату из Москвы от 11 июля 1825 г. Порядку индивидуальных признаков в студенте, о котором идет речь, распознается Полежаев. Он рекомендуется рассказчику как автор „Сашки“ и переводчик „Генриады“ (см. рецензию П. Ц. на книгу проф. Е. А. Боброва „Из истории жизни и поэзии А. Н. Полежаева“. Варшава, 1904. „Историч. Вестник“ 1904 г., август, стр. 674—675, где и приводится указанное выше письмо А. Я. Булгакова).

6. Поэма „Гарем“. Существование поэмы под таким названием предполагается на основании заглавия к отрывку „Ренегат“ (отрывок из поэмы „Гарем“). Не является ли и стихотворение „Султан“ (Полежаев, А. И. „Стихотворения“, изд. „Academia,“ стр. 176) также отрывком из этой поэмы?

7. Стихотворение „К сивухе“—„страшное стихотворение“, о котором говорит А. И. Герцен в „Былом и думах“ и лишь несколько стихов которого опубликовано в статье В. Е. Якушкина „А. И. Полежаев“ („Вестник Европы“ 1897 г., № 6, стр. 729. Принадлежность этих стихов Полежаеву точно не установлена).

Во многих стихотворениях Полежаева, печатавшихся в журналах и включившихся в сборник, в результате цензурных изъятий, а иногда и в предупреждение таковых являлись пробелы от одного до пятнадцати стихов. Некоторые из них повидимому утрачены безвозвратно. Приводим список этих изъятий.

1. „К друзьям“ („Игра военных суматох“) — утрачены стихи 19—20 (стр. 188), их в изданиях заменили три ряда точек.

2. „Ночь на Кубани“ („Весенний вечер на равнины“) — утрачены стихи 81—84, 105 и 118—121 (стр. 192—193).

3. „Море“ („Я видел море, я измерил“) — утрачены стихи 17—18 (стр. 197).

4. „Мертвая голова“ — неизвестны стихи 31—32 (стр. 209).

5. „Тарки“ („Я был в горах“) — повидимому утрачен стих между 24 и 25 (стр. 209).

6. „Из послания к А. П. Лозовскому“ („И нет, их нет! промчались годы“) неизвестны стихи 29, 32, 33 (стр. 227).

7. „Кольцо“ — неизвестен один стих 28 (стр. 185).

8. „Сон девушки“ — неизвестен конец стихотворения, замещался двумя рядами точек (стр. 219).

9. „Окно“ („Там, над быстрою рекой“) — неизвестны стихи 9—10 (стр. 225).

10. „Тоска“ („Бывают минуты ужасной тоски“) — утрачен конец стихотворения, стихи 29—30.

11. „Отрывок из письма к А. П. Лозовскому в декабре 1837 г.“ („Чухотка“) — неизвестно начало стихотворения, стихи 1—3.

В поэме „Эрпели“ неизвестными остаются следующие стихи: I—51; II—123—127; III—41—42; VI—84—85, 136; VII—22, 71—73; VIII—131—132.

Таковы изъятия текста стихотворений. Кроме автографов авторитетных списков исправлению этих изъятий могут помочь рукописные дополнения в именных экземплярах стихотворений Полежаева. В экземпляры стихотворений 1832 г. „Кальяна“ или „Арфы“, снабженные авторитетными факсимиле, бываюи внесены недостающие стихи из числа „безнадёжно утраченных“, и пропущенный стих или целая строфа могут содержать забытую, вычеркнутую из памяти поколений поэтическую формулировку:

Сокрушила судьба,
Навсегда решена
С самовластьем борьба,
И родная страна
Палачу отдана.

(„Вечерняя заря“, список III Отделения,
при доносе Шервуда).

Вот почему необходимо тщательное обследование старинных провинциальных библиотечных фондов, а также старинных рукописных альбомов и тетрадей первой половины прошлого века.

Редакторами стихотворений П. А. Ефремовым и А. И. Введенским к числу приписыв-

ваемых Полежаеву стихотворений отнесены следующие стихотворения поэта из числа печатавшихся в сборниках и альманахах:

1. „Когда душа перекалится в камень“.

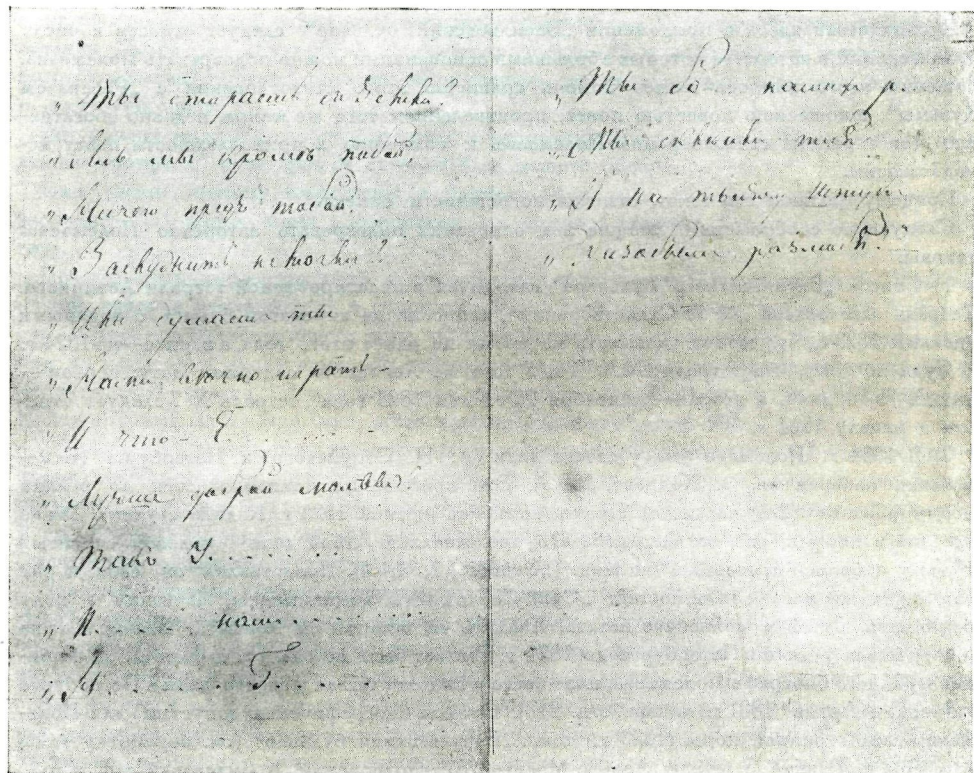
(Напечатано в „Невском Альбоме Бобылева“, Пб., 1839, стр. 117 с пометой: 1836 и подписью: А. Полежаев).

2. „Глаголом совести нещадной...“

3. „Где ты, души моей богиня“.

4. „Добрый витязь, скинь шелом“.

(2, 3 и 4 стихи напечатаны в песеннике „Северная Лютня. Майский подарок любительницам пения“. Москва, 1833, подпись А. П.).

СТРАНИЦЫ АВТОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ ПОЛЕЖАЕВА, ПРИНАДЛЕЖАВШЕЙ ДРУГУ ПОЭТА А. П. ЛОЗОВОКОМУ

Стихотворение «Опять нечто». (Ай, ахти! Ох, ура!...), стихи 35—49

Институт Русской Литературы, Ленинград

5. „Немного светлых дней“ („Отрывок“).

(Напечатано в издании „Орел“ 1859 г.).

Сюда следует присоединить приписываемые Полежаеву:

6. „Не слышно шума городского“ („Узник“).

(Напечатано в „Русской потаенной литературе“ Н. Огарева. Лондон, 1861. Приписывалось К. Ф. Рылееву, Глинке и Полежаеву).

7. „Фонарь“ („Друзья, не лучше ли на место фонаря“) — эпиграмма эта напечатана в „Русской потаенной литературе“ Н. Огарева. Лондон, 1871. В. Я. Брюсов напечатал ее в числе сомнительных стихотворений Пушкина.

Наиболее достоверным следует признать отрывок „страшного“ стихотворения Полежаева под названием.

8. „К сивухе“ („Когда уж в вечность преселюся“) (первое указание принадлежит

Герцену), приведенный в статье В. Е. Якушкина („Вестник Европы“ 1897 г., кн. VI, стр. 729).

В результате обследования большого числа альбомов и рукописей, содержащих современные Полежаеву записи стихов, из числа подписанных „Полежаев“ обнаружены только два стихотворения; в которых можно подозревать авторство поэта:

9. „Не вверяйся, друг мой, счастью“,

10. „Приди к ней поутру, когда пробуждена“.

Некоторые эротические и порнографические стихотворения приписываются Полежаеву неосновательно; бесспорно принадлежащими ему следует признать лишь стихотворения, сохранившиеся в архиве университетского товарища Полежаева, литератора и переводчика Ф. А. Кони—стихотворения 1) „Дженни“ и 2) „Калипсо“.

Публикуемый здесь в приложении „Васильевский бульвар“ следует отнести к числу произведений, в авторстве которых с большими основаниями можно подозревать Полежаева. Решению этого вопроса может помочь сравнение этого стихотворения с „Рассказом Кузьмы“, юношескою повестью поэта, произведением того же жанра, недавно обогатившим текст ранних стихотворений Полежаева и сомнению в принадлежности поэту не подлежащим.

Привожу целиком его текст, отмечая погрешности списка.

Следующие соображения, дающие нам основания подозревать авторство Полежаева, таковы:

1) Список „Васильевского бульвара“ находится в недатированной тетради Левицкого. Тетрадь озаглавлена „№ 7. Стихотворения“, написана на синеватой бумаге с водяными знаками 1823 г., что может указывать на время не ранее этого года, а вернее—на 1824 г.

Судя по тому, что тетради №№ 4 и 5 того же Левицкого содержат дату: первая— „июня 25-го дня“, а вторая—„сентября 20-го дня 1823 года“, тетрадь № 7 следует отнести к началу 1824 г.

2) В 1824 г. Полежаев был у своего дяди (А. Н. Струйского) в Петербурге (Семеновская набережная, д. Ходнева, № 3). Это пребывание устанавливается по реалии поэмы „Сашка“ (2-й части ее). Поэма написана весной 1825 г. К дяде студент Сашка едет не в первый раз, он ясно себе его представляет: „Мой дядя—человек сердитый И тьму я браней претерплю“ и т. д. („Сашка“, 1, 1—4). Представлял он себе и ряд падающих на него обязанностей: „Супруге строить комплименты, Платочки с полу поднимать, Детей в колясочке катать, Хвалить ей шляпки ее, ленты“... Вывод: Сашка (поэт) бывал у дяди в Петербурге до 1824 г. и может быть не раз. По словам Д. Д. Рябинина, раннего биографа Полежаева, поэт часто и подолгу бывал у своего дяди в Петербурге („Русский Архив“ 1881 г., январь, стр. 316). Отсюда биографически допустима для Полежаева самой ранней поры (1823 г.) тема: „Васильевский бульвар“ (см. обработку темы бульвара в „Сашке“, в шутке „День в Москве“, в стихотворении „Кремлевский сад“ и др.).

3) „Васильевский бульвар“ принадлежит к тому же опыту юноши-поэта; это такая же жанровая картинка, в которой описательные мотивы занимают исключительное место в отличие от „Рассказа Кузьмы“, где на первое место выступает уже разговорная речь—бойкая, непринужденная. Хронологически „Васильевский бульвар“ 1823/24 г.—ранний стихотворный опыт Полежаева—предшествует родственной повести „Рассказ Кузьмы“, датированной 7 июня 1825 г., и представляет таким образом начальный этап в поэтическом опыте Полежаева.

4) Стилизовое тождество „Васильевского бульвара“ и „Рассказа Кузьмы“ многообразно. Соответствия лексические, синтаксические и семантические многочисленны и их соседство, смежность, родственные комбинации поразительны.

Перечисленные основания делают нашу гипотезу об авторстве Полежаева в отношении стихотворения „Васильевский бульвар“ весьма вероятной. Однако утверждать это категорически преждевременно. Время и дальнейшие исследования могут быть подтвердить справедливость сделанных выводов.

* *

В 1915 г. в архиве Московской цензуры была найдена А. Дуниним огромная тетрадь стихотворений под общим названием „Рукописи из зеленого портфеля“. Ряд сообра-

жений привел его к заключению, что автор стихотворений — Полежаев. Насколько основательны были эти соображения, можно видеть из приводимых аргументов: 1. Стихотворения внесены как полежаевские в канцелярские книги Московской цензуры. 2. Их доставил в Московскую цензуру, как видно из надписи на рукописи, тот же А. Ушаков, который через несколько дней доставил в цензуру поэму Полежаева „Царь охоты“. 3. Стихотворения отличает „мрачная философия“.

Как это ни странно, но редакция „Русских Записок“, куда принес А. Дунин свою находку, видимо признала эти аргументы убедительными. Редакция отнеслась к вопросу о литературном наследстве Полежаева без достаточной критики, принадлежность ему „Рукописей из зеленого портфеля“ была решена сплеча: 53 „новых“ стихотворения Полежаева было напечатано в июньском и июльском номерах „Русских Записок“ за 1915 г.

За восемнадцать лет никто не позаботился решительно опровергнуть законность присвоения Полежаеву „Рукописей из зеленого портфеля“ и выступить в защиту „истинного Полежаева“ против попытки загромоздить его наследство и затемнить его четкий поэтический образ.

Вот почему сжатой и по необходимости укороченной экспертизе „Рукописей из зеленого портфеля“ посвящается одна из глав нашего обзора.

Она уяснит, почему вышедшим в издании „Academia“ последним собранием стихотворений Полежаева текст „Рукописей из зеленого портфеля“ категорически отвергнут.

Прежде всего мирозерцание и поэтическая философия Полежаева резко отлична от той, которая раскрывается в сборнике „Рукописей из зеленого портфеля“. Творчество автора — рефлексирующего типа. Общие вопросы его занимают более всего, при чем не чужд он и дидактизма. Он отторгнут от земли и весь во власти медитативной и серафической поэзии. Земля его мало интересует „душа парит к далеким небесам Полет орлиный дайте мне, мне дайте крылья серафима“ (стр. 90).

„Рукописи из зеленого портфеля“ полны мечтательной религиозности. Грустная философия, смягченная небесными упованиями, философия смирения, сознание своей порочности, ожидание будущей жизни — лейтмотив „Рукописей из зеленого портфеля“. В их авторе угадывается натура пассивная, склонная к резиньядии, и это получает естественное отражение и выражение в ритме, композиции и фразеологии.

Полежаев — натура глубоко отличная от натуры автора „Рукописей из зеленого портфеля“, активная, эмоциональная, чуждая рефлексии, мужественная посреди страданий, внутренне бодрая. Динамическое начало объективно фиксируется на четкости и правильности ямбов и анапеста, в замедлениях хорей и других особенностях его ритмики.

Вместо этого в „Рукописях из зеленого портфеля“ находим глубоко чуждое Полежаеву смирение, непротивление, пиятическое ожидание загробной жизни. В его поэзии ничтожно количество образов конкретных, реальных, существ и лиц вещественного мира.

Между тем в лирике Полежаева, напротив, отражается на всех этапах собственное бытие, реальная обстановка.

Художественные принципы, формирующие словесный материал в „Рукописях из зеленого портфеля“ и у Полежаева, резко расходятся. Поэтический стиль Полежаева при всей самостоятельности и оригинальности все же значительно ближе к Пушкину, чем стиль автора „Рукописей из зеленого портфеля“.

Надо отметить еще факт полного отсутствия юмора и шуточного элемента в стихотворениях „Рукописей из зеленого портфеля“; нигде на протяжении 111 страниц автор сборника не развеселит шуткой: его лирика серьезна и сосредоточена.

Между тем каждый читатель Полежаева знает, сколь характерна для поэта шутка, юмор, а иногда напряженная веселость. Еще в „Сашке“ он писал:

Не для славы
Для забавы
Я пишу!
Одобренья
И сужденья

Не прошу!
Пусть кто хочет,
Тот хохочет. („Сашка“, стр. 295)

Шутка и юмор сопутствовали ему во все дни его тяжелой жизни. Свой юмор, веселость он метко называл „минутной резвостью“ (стр. 212). Он отстаивал право поэта на шуточное отступление в поэме:

Ужели день и ночь для славы
Я должен голову ломать,
А для младенческой забавы
И двух стихов не написать? (Стр. 449).

Иногда просил извинения у читателя:

Простите, милые друзья,
Когда за важностью рассказа
Всегда рождается у меня
Некстати шутка и проказа. (Стр. 448).

Отсутствие в „Рукописях из зеленого портфеля“ малейшего штриха юмора, веселости, шутки составляет неоспоримый отрицательный признак в деле установления автора.

Найденная А. Дуниным рукопись не поступила ни в одно из книгохранилищ. Описание Дунина послужило, естественно, отправным пунктом наших библиографических разысканий.

„Рукописи из зеленого портфеля“ были представлены в цензуру в двух частях, из которых лишь первая была одобрена, что и получило отражение в надписи на первом листе второй части: „первая отпечатана“. Вторая же, которую и опубликовал Дунина („Русские Записки“ 1915 г., № 6, стр. 83—107 и № 7, стр. 202—220), была по его словам цензурою причислена к запрещенным, что в свою очередь явствует из записей журнала заседаний: „Стихотворения А. Полежаева „Рукописи из зеленого портфеля“. Вторую часть в виду неблагонамеренного направления оставить без одобрения“.

Считая маловероятным, чтобы рукопись однажды разрешенная к печати не была своевременно напечатана, мы начали библиографические разыскания. И действительно в „Росписи книгам Смирдина“ нам удалось найти помеченной в отделе стихотворений книгу: „Рукописи из зеленого портфеля“, 1. Москва. Типография Августа Семена. 1836 г. Цена 1 р. Однако здесь, так же как и на рукописи, вопреки ожиданиям Дунина, автор не был обозначен.

В 22-м томе „Библиотеки для чтения“ О. И. Сенковского (1836) в отделе „Книжная Летопись“ нашлась и рецензия на книгу: „Рукописи из зеленого портфеля“, Москва. В типографии Семена. 1836 г., в 8-ую долю листа, стр. 182, часть 1-я“. Рецензия занимает одну страницу. Некоторые индивидуальные признаки выдают перо самого О. И. Сенковского. Барон Брамбеус не называет автора, который так и остается анонимом, впрочем рецензент подозревает в нем „жителя черноморских бурьянов и эвксиинских мутных вод“.

В книге 182 страницы, 100 с лишним стихотворений, чем, во-первых, опровергается домысел Дунина в части толкования цензурной пометы о якобы девятнадцати стихотворениях первой части „Рукописи из зеленого портфеля“ („Русские Записки“ 1915 г., № 6, стр. 83—107 и № 7, стр. 202—220), во-вторых, устанавливается факт напечатания первой части „Рукописей из зеленого портфеля“ в 1836 г., в-третьих, отсюда же делается ясным, что хлопоты о разрешении книги начались раньше, а отнюдь не одновременно со второю частью, представленной в июле 1837 г., и, наконец, в-четвертых, что, вопреки предположению Дунина, и первая часть „Рукописей из зеленого портфеля“ была анонимная. Экземпляр книги имеется в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде.

Разве не представляется странным, что „славы жадный“, как себя не раз именует Полежаев в автохарактеристиках, всегда мечтавший „сойдя к отцам вослед других остаться в памяти иных“ (стр. 426—427), по необъяснимой прихоти и наперекор своему обыкновению выпускает, и притом в пору снятия запрета с его имени, анонимный сборник стихотворений?

Группа стихотворений, разбросанных вдоль сборника „Рукописи из зеленого портфеля“, ч. 1-я, связана с Одессой (см. стих. „Траянов вал“ (212), „Овидию“ (208)

„Амазонка“ (206), „Юбилей Одессы“ (132), „Кладбище в Одессе“ (213) и некоторые другие).

Стихотворение „Юбилей Одессы“ имеет прямое указание и хронологическую дату— „юбилею сорок лет“. Порт Хаджи-Бей переименован в Одессу указом 27 мая 1794 г. Стихотворение написано очевидцем торжеств юбилея 27 мая 1834 г. Вся же группа стихотворений предполагает достаточно длительное пребывание в Одессе в 1834 г., по меньшей мере в течение весны и лета.

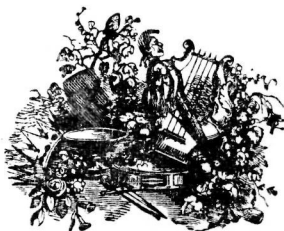
В биографии Полежаева следует признать ряд неясностей, имеются и прямые провалы и пустоты. Известно, что, будучи поднадзорным рядовым и унтер-офицером, поэт несколько раз предпринимал побеги, самовольно отлучался от роты и полка, за что терпел дисциплинарные взыскания, крушения, а один раз, незадолго до смерти, а может быть и не один—телесное наказание. Следует отметить, что взыскания не вносились в его формулярный список, что преграждало бы ему путь к офицерскому чину. С другой стороны, некоторые полковые командиры увольняли поэта в неофициальный отпуск. И при всем том длительного путешествия поэта в Одессу предположить нет возможности. В 1834 г. поэт в Одессе быть не мог. 1834 год является годом наилучше освещенным в биографии Полежаева, он наилучше представлен фактами и документами. Тарутинский егерский полк, куда был переведен Полежаев 1 октября 1833 г., до середины июля 1834 г. был расквартирован в г. Зарайске, Рязанской губернии („Расположение армии и отдельных корпусов в 1834 году,“ офиц. изд.), а с середины июля в г. Жиздре, Калужской губернии (Сведения Лефортовского военного архива).

РУКОПИСИ

Н З Ъ

ЗЕЛЕНАГО ПОРТФЕЛЯ.

I.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА.

При Императорской Медико-Хирургической Академии.

1836.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «РУКОПИСЕЙ
ИЗ ЗЕЛЕНАГО ПОРТФЕЛЯ».

С конца июня по средину июля 1834 г. поэт гостит в подмосковном селе Ильинском в семье И. П. Бибикова, некогда предавшего его в руки III Отделения и затем в 1834 г., горячо, но безуспешно за него хлопотавшего.

Воспоминания о Полежаеве дочери И. П. Бибикова Е. И. Бибиковой (псевдоним „Старушка из степи“.—„Русский Архив“ 1882 г., кн. 6, стр. 233—243) отчетливо устанавливают alibi Полежаева. В Одессе ни в период юбилея, ни раньше, ни позже поэт не был. Первую половину июля он провел в Ильинском, и в июне И. П. Бибиков пишет о нем семье из Зарайска. Воспоминания „Старушки из степи“ писаны ею на склоне лет, но предположить хронологическую неточность или запечатывание нет оснований: Полежаев был в ее жизни фактом слишком значительным, о последнем живо свидетельствует каждая строчка редких по теплоте и искренности ее воспоминаний.

Нашего вывода ни на минуту не колеблет наличие в „Одесском Вестнике“ 1833 и 1834 гг. напечатанных нескольких стихотворений Полежаева. Здесь нет ни одного стихотворения из числа „Рукописей из зеленого портфеля“. Все они—из числа известных по сборнику „Кальян“ стихотворений. Они без сомнения были присланы поэтом или другом его А. П. Лозовским редактору М. Розбергу.

После пребывания в Ильинском поэт в полк не явился. „На нашу квартиру (в Москве.—В. Б.) явился фельдфебель, чтобы отыскать беглеца. Как и когда он исчез, я никогда не узнала“, читаем в тех же воспоминаниях Бибиковой. Но и в этот период он не мог быть в Одессе. Одесские стихотворения „Рукописей из зеленого портфеля“ носят все черты спокойного безмятежного пребывания, ничем не выдавая тревоги укрывающегося беглеца.

Тарутинский егерский полк после июля 1834 г. был расположен в г. Жиздре, Калужской губернии, а также имел временное расположение в Москве на зимних квартирах в селениях близ Ходынского поля. Отсюда очевидно и был прислан фельдфебель за беглецом. Пребывание поэта в Жиздринском уезде кроме документальных данных о расположении полка („Расположение армий и отдельных корпусов“, офиц. изд.) устанавливается двумя стихотворениями из автографического сборника стихотворений Полежаева (находится в ИРЛИ, бывш. Пушкинский дом): „Нечто о двух братьях князьях Львовых“ („Кто знает в Жиздринском уезде“...) и „Село Печки, принадлежащее тринадцати помещикам“. Оба стихотворения содержат географическое, а через это и хронологическое указание. Черты военного быта и солдатского сознания чередуются с прямыми реалиями тягостной двенадцатилетней солдатчины Полежаева:

От стальных тесаков
У нас спины трещат,
От учебных шагов
У нас ноги болят.
День и ночь наподряд,
Как волов наповал,
Бьют и мучат солдат
Офицер и капрал.
Что же, белый отец,
Своих черных овец
Ты стираешь с земли?
Иль мы кроме побой
Ничего пред тобой
Заслужить не могли? („Ай, ахти! Ох, ура“, стр. 261).

На протяжении обеих частей „Рукописей из зеленого портфеля“ нигде военное и солдатское сознание в той или иной форме не выступает. Между тем немислимо предположить, чтобы четырехлетний тяжелый опыт участия поэта в кровавой кавказской колониационной войне не отразился в двух книгах стихов как отзвук богатых впечатлениями ушедших годов.

В связи с разысканиями „Рукописей из зеленого портфеля“ по указанию И. Н. Розанова нами найден сборник стихотворений „Встреча старого времени с новым“. Москва,

1860. В типографии Александра Семена". На последней странице после оглавления—ссылка: „От издателя“. Стихотворения, отмеченные звездочкой в оглавлении, напечатаны с небольшим изменением вторым изданием. Первое издание их—„Рукописи из зеленого портфеля“. Москва, 1836 в типографии Августа Семена".

Сборник содержит несколько страниц художественной прозы и 214 страниц стихотворений, в громадном большинстве заимствованных из 1-й части „Рукописей из зеленого портфеля“. Сборник представляет собой второе издание первого. Несколько стихотворений—переработанные стихотворения 2-й части „Рукописей из зеленого портфеля“. Так в стихотворении XXIII „Говорил он: Когда заблестит...“ нетрудно узнать стихотворение „Свидание“ („Русские Записки“ 1915 г., VI, стр. 89), а в стихотворении XXII—стихотворение „Жертва“ (стр. 106); с некоторыми изменениями и в укороченной редакции нашло себе место в сборнике старое стихотворение „Июня 3-го“ („Рукописи из зеленого портфеля“, стр. 86); его узнаем мы в стихотворении XII „Минута есть, но в жизни этой“.

Варианты приводят к выводу, что неизвестный поэт, автор трех сборников: „Рукописей из зеленого портфеля“, изданной части 1-й, неизданной (запрещенной цензурой и напечатанной Дуниным) и, наконец, „Встречи старого времени с новым“ (М., 1860), в последнем сборнике переработал ранние свои стихотворения и присоединил к ним в виде предисловия отрывок художественной прозы.

В этом позднейшем переиздании стихотворений молодых лет—разгадка непонятного заглавия сборника: „Встреча старого времени с новым“.

Многочисленные реалии стихотворений последнего сборника настолько существенно противоречат фактам биографии Полежаева, что не оставляют и малейшего сомнения в ошибочности гипотезы Дунина и в безусловной принадлежности всех трех сборников другому поэту.

Стихотворение XXV „Дремлется в сумерки сладко“—отражение жизни семьянина и горькой утраты ребенка.

На тернистом пути Полежаева, доступного многим утратам, подобной утраты быть не могло.

В авторе прозы, предпосланной сборнику, нетрудно установить знакомство с ближним Востоком (Турция, Черноморье, Бессарабия, Румыния). Опыт и осведомленность Полежаева—в других географических пределах.

Не ставя себе задачей решение вопроса, кто же истинный автор книг, опрометчиво приписанных Полежаеву, настоящий опыт экспертизы автора категорически отвергает авторство Полежаева.

III. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ БИОГРАФИИ ПОЛЕЖАЕВА

Прямых документов, устанавливающих точную дату рождения поэта, повидимому не сохранилось. В этом пункте его биографии одни архивные документы конфликтуют с другими. Противоречат например данные Московского университета данным послужных военных списков.

Так в 1820 г., при поступлении в университет, ему показано пятнадцать лет, в 1829 г. в формулярном списке показано 22 года, а в другом позднейшем формулярном списке, составленном в 1837 г. при представлении его к производству в первый офицерский чин, показано 28 лет. Эти документы не уясняют вопроса о годе его рождения, относя его таким образом ко времени между 1805 и 1809 гг. Наиболее достоверною датой следует признать 1805 г.; в датах формулярных военных списков в одних возраст Полежаева преуменьшен, в других—списан с раз установленного подлинника.

Не сохранилось также прямых документов времени детства Полежаева. Тщательно просмотренные исповедные книги ближайшей к с. Покрышкину церкви села Михайловки, а также исповедных книг г. Саранска результатов не дали.

Однако если отсутствуют прямые документальные данные, то разыскания все-таки дали ряд косвенных, которыми значительно и ярко характеризуются его природный отод (юридическим был И. И. Полежаев) Леонтий Николаевич Струйский и та социальная среда, в которой ребенок получил первые впечатления бытия. До нас дошло

несколько характерных записей в метрических и исповедных книгах сел Михайловки (Покрышкинского прихода) и Рузаевки. Эти записи сыграли известную роль в установлении нами реального существования матери поэта Аграфены Ивановны. Благодаря им жизнь Аграфены и ее семьи, матери и сестер устанавливается следующими документами:

1. Многочисленные записи в исповедных книгах рузаевской церкви устанавливают среди дворовых людей А. П. Струйской существование дворовой солдатки Гликерии Ильиной, с дочерьми Аграфеной, Анной и Елизаветой. Мужа Гликерии Ильиной отдают в рекруты около 1800 г., после чего она значится в записях солдаткой.

2. Весной (на страстной неделе) 1804 г. она значится „присутствующей у исповеди и святого причастия“. Несколько строчками выше, вместе с матерью своей А. П. Струйской, значится и отец Полежаева—Леонтий Струйский (исповедная книга одноштатной Троицкой церкви за 1804 г.).

3. 15 января 1805 г. Аграфена Иванова, уже в качестве „вольнотпущенной за честное поведение“, повенчана с Иваном Ивановичем Полежаевым, „купецким отроком, прихожанином г. Саранска Спасова собора“. Запись в книге о родившихся, брачующихся и умерших рузаевской одноштатной Троицкой церкви.

4. 19 января того же года отпускная (вольная) Аграфены Полежаевой внесена в книгу нотариальных актов Саранского уездного суда. Здесь она вписана в „Вотчинную записную книгу в продаже вотчинных земель с людьми и крестьянами и в закладе вотчинных крестьян без земли“ за 1805 г. (стр. 4, 5 за № 8 от 19 января).

5. Церковная запись о смерти матери поэта Полежаевой Аграфены Ивановой: „2-го июня деревни Покрышкина находящаяся у родственницы родной своей сестры Анны Ивановой Саранского купецкого сына Ивана Ивановича Полежаева жена Аграфена Иванова двадцати восьми лет смертью натуральною, погребена приходским священником о. Квигницким на сельском погосте“ (книга о родившихся, брачующихся и умерших села Михайловки за 1810 г.).

6. Мать Аграфены, бабка Полежаева по крестьянской линии Гликерия Ильина, умирает в том же году (книга о родившихся, брачующихся и умерших села Рузаевки за 1810 г.).

В деле направления архивных разысканий большое ориентировочное значение следует признать за устной традицией. Несомненно, что уголовная хроника Л. Н. Струйского и дикий крепостнический быт запечатлел в памяти крестьян несколько семейных преданий, которые хранятся целым рядом поколений. Ставя себе целью обследование документации Полежаевых и Струйских, в настоящем обзоре приходится ограничиться лишь следующим указанием: опрос стариков, старожилов Покрышкина, сопоставление записи рассказа сторожа Шигелова, сделанной в Покрышкине в 1861 г. Л. И. Поливановым, и наблюдение за церковными записями приводит к заключению, что кровавая драма, разыгравшаяся в Покрышкине в 1816 г.,— быть может лишь эпилог темной крепостнической хроники Леонтия Струйского⁴.

Устная крестьянская традиция считает Аграфену Полежаеву погибшею насильственной смертью.

Прямых сведений о пребывании Полежаева в пансионе швейцарца Визара не сохранилось, но данные для характеристики его пансиона в ближайшие годы сохранены архивом Московского университета. Совет Московского университета периодически ревизовал состояние московских школ и частных пансионов. Сведения о пансионе Визар[д]а содержат:

1) Визитаторский отчет о приходских училищах и пансионах в Москве 1821 г., № 37 профессоров Гейма, Двигубского, Мерзлякова и Болдырева, обозревавших училища московские.

2) Визитаторский отчет профессоров Цветаева, Болдырева и Чумакова по назначению Совета об учебных заведениях, находящихся в Москве в 1822 г., № 34.

3) Регистрация могилы Жана Эли Визар[д]а (1765—1828) на иноверческом кладбище на Введенских горах („Московский Некрополь“, Пб., 1907, т. I).

В архиве Московского университета документация жизни Полежаева представлена двумя делами университетского правления:

ПОРТРЕТ ДЕКАБРИСТА А. РЫНКЕВИЧА, ПРИЛОЖЕННЫЙ В КАЧЕСТВЕ ПОРТРЕТА ПОЛЕЖАЕВА К СОБРАНИЮ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЙ ИЗД. 1892 г.

1) № 481 по 2-му столу дело об Александре Полежаеве. Здесь находится его прошение от 30 сентября 1820 г., писанное чужой рукой, но подписанное Полежаевым. К прошению приложено увольнительное свидетельство, выданное саранским мещанским обществом. Увольнительное свидетельство устанавливает точно год рождения Полежаева: в 1820 г. ему значится 15 лет, что позволяет считать годом его рождения 1805 г. Последнее обстоятельство особенно важно, потому что метрическая запись о его рождении осталась неразысканной. Там же находятся

2) Документы о временном его, Полежаева, увольнении по прошению, вызванному неясными „встретившимися обстоятельствами“.

3) В дневных записках университетского совета (14/VII 1826 г., статья 9), стр. 603, 621, 622 имеется суждение о прошении трех вольных слушателей.

Данные о социальном составе студентов Московского университета времени ближайшего к пребыванию в университете Полежаева находятся в деле правления университета за 1827 г., № 189 „О подчинении своекоштных студентов городской полиции“.

Кроме дел, касающихся самого Полежаева, архив Московского университета включает в образцовом порядке дела большого числа товарищей Полежаева.

Отставной полковник и рязанский помещик Иван Петрович Бибииков сыграл в жизни Полежаева большую роль. Родственник А. Х. Бенкендорфа (по жене) он в 1826 г. привлекается им к службе в корпусе жандармов и III Отделении. Анонимным доносом Бибииков указывает и предаёт Полежаева гневу торжествующего победу даря.

Донос губит Полежаева.

Главные источники сведений о Бибикове, его деятельности и прочем сообщаю ниже на стр. 316—317.

Двенадцать лет военной службы Полежаева отложились в делах военных архивов, в числе которых первое место занимает Лефортовский военно-исторический архив. Основным делом о Полежаеве следует считать:

1. „Дело об уволенном из студентов с чином 12-го класса Полежаеве, определенном в Бутырский пехотный полк унтер-офицером. Началось 28 июля 1826 г., кончено 9 августа 1828 г. на 38 листах“ (Лефорт. военно-исторический архив, 1826, св. 102, к. 77).

Первая бумага в деле—анонимный (И. П. Бибикова) донос на Московский университет и Полежаева, с иллюстрирующими его отрывками из поэмы Полежаева „Сашка“. Этот именно донос и имел следствием арест и известный допрос Николаем Полежаева.

Далее следует вся переписка военных учреждений и инстанций, по которым передавался арестованный поэт до того момента, когда после личного допроса Николаем он был наконец водворен унтер-офицером при учебной команде Бутырского пехотного полка в Хорошевском лагере под Москвой в распоряжение командира полка полковника Дурова. В этой же папке следует переписка по вопросу, в чем нуждается уволенный студент Полежаев, закончившаяся отпуском ему из комнатных сумм 160 р. 24 к. на построение обмундирования со следующей далее сметой необходимых на это расходов.

Группу однородных рапортов командира полка полковника Дурова составляют ежемесячные донесения его в Главный штаб о поведении „назначенного по высочайшему повелению“ студента Полежаева. Обычная их форма дает колебание в своей устойчивости лишь в июньском рапорте, а в рапорте от 16 июня полковник сообщает о первом побеге Полежаева.

Кроме указанных рапортов полковника Дурова побег Полежаева составляет особое военно-судное дело.

Дело по отношению Аудиториатского департамента о разжалованном из унтер-офицеров в рядовые Полежаеве решено 13 сентября на 8 листах, № 1584, II отд., 2 стола Инспекторского департамента, 1827 г., св. 652 (№ 12513).

При обыске в помещении бежавшего унтер-офицера Полежаева была обнаружена переписка его с отцом, черновик покаянного письма к дяде в Петербург, собственные Полежаева и чужие стихи. При рапорте полковника Дурова, командира Бутырского полка, все было отправлено начальнику Главного штаба (№ 1228 от 16/VI 1827).

В Ленинградском отделении Центрархива имеется дело 1827/28 г. по конфирмации приговора об унтер-офицере Бутырского пехотного полка А. И. Полежаеве, сужденном за самовольную отлучку от полка; сюда включена полная копия военно-судного дела, произведенного о Полежаеве в комиссии военного суда при Бутырском полку. В последнем имеется копия рапорта полковника Дурова от 17 июня 1827 г. за № 1228, при котором препровождались письма, найденные в квартире Полежаева после его отлучки (письма к отцу в Сибирь и черновое (покаянное) письмо к дяде в Петербург). Писем в подлинниках или копиях к делу не приложено и из переписки видно, что они были признаны не заключающими в себе ничего важного и 2/VII того же года возвращены дежурным генералом полковнику Дурову обратно.

В деле кроме рапорта: три показания Полежаева, врачебное его свидетельство, формулярный список, отзывы начальников о его службе и поведении, показания свидетелей, выписка из дела и сентенция суда, мнение командира полка полковника Дурова и окончательная конфирмация приговора.

(Фонд Аудиториатского департамента Военного министерства. Дело по разн. предметам, I отд., 2 стола, св. 9, № 31.)

Вряд ли можно надеяться на сохранение этих писем полковым архивом. Вероятно они были возвращены поэту обратно.

Впрочем в деле есть прямое указание (оборот листа 9-го): „уведомляю Ваше Высочайшее благородие, что возвращенные при сем повелении принадлежащие унтер-офицеру Полежаеву письма, как не заключающие в себе ничего важного до дела касающегося, оставлены при полковых делах“.

Об этом приходится пожалеть, так как переписка с отцом, а также и черновик покаянного письма к дяде Александру Николаевичу много способствовали бы выяснению их взаимоотношений.

„Высочайшее повеление“ было объявлено в рапорте начальника Главного штаба к главнокомандующему от 1827 г. за № 2273.

Второе судное дело Полежаева возникло в 1828 г. Оно вписано в его формулярный список следующим образом: „В 1828 г. судим за отлучку из роты; пьянство и произношение фельдфебелю непристойных слов и ругательств по конфирмации начальника сводной дивизии ген.-лейт. Набокова в 17 день декабря 1828 г., № 635, что хотя подлежал бы за сие к прогнанию шпидрутенами, но в уважение весьма молодых лет вменяется в наказание долговременное содержание под арестом, прощен без наказания с переводом в сей Московский пехотный полк“.

Этот период (1827—1829 гг.) отражен в архивах лишь приведенной выше выпиской в послужном списке, да указанием на уничтожение штрафа по „высочайшему“ повелению и на хранение переписки „в кофде [дела?] Бородинского пехотного полка“ (II отделения, 4 стола, 1831 г., № 1114).

Где находится второе судное дело о Полежаеве 1828 г. — установить не удалось, возможно, что оно затеряно в делах дивизионного архива.

К этому времени относится привлечение поэта по обвинению в участии в „преступном обществе, имевшем целью введение в России конституции“. Обвинение явилось вследствие установленного общения поэта с кружком разночинной молодежи, где главная роль принадлежала братьям Михаилу, Василию и Петру Критским, которые учились одновременно с Полежаевым в Московском университете, но на нравственно-политическом отделении. Участие Полежаева в радикальных студенческих кружках не разработано в биографическом очерке по отсутствию документальных данных. Однако косвенные сведения могут подтвердить несомненность участия его в этих ранних революционных кружках едва начавшего себя сознавать разночинства.

Значительный материал, дающий сведения о связях Полежаева с этими кружками, находится в Архиве Революции в так называемом „Деле братьев Критских“, точнее это — „Дело по донесению штабс-капитана Бодана и прапорщика Ковалевского о злоумышленном тайном обществе в Москве 1827 г.“ III Отделение Собственной Е. И. В. канцелярии, 1 экспедиция, № 269.

Первое указание на причастность бывшего студента Полежаева находим здесь в письме А. А. Волкова к А. Х. Бенкендорфу от 14/IX 1827 г.

Лист 32-й 6 этого дела содержит ответы, данные Полежаевым по вопросу „о дерзновеннейших стихах, ему приписанных“.

Братья Критские были сверстниками Полежаева, поступили в Московский университет в 1823 г., окончили его в 1827 г., учились на нравственно-политическом отделении. Участие всех трех братьев была типична для первых ростков революционного разночинства. Василий Критский, студент Московского университета, заключенный в 1828 г. „за вольномыслие“ в Шлиссельбург, умер там 21 мая 1831 г. „от изнурительной лихорадки“. Михаил Критский и Николай Попов содержались в 1833 г. в Соловецком монастыре. Первый после 8 лет заключения отправлен на Кавказ рядовым 5-го Черноморского батальона и убит в сражении с лезгинами.

В январе 1829 г. выступила на Кавказ 14-я дивизия. В ее составе — Московский пехотный полк, где Полежаев служил рядовым первого батальона.

Официальные сведения в „Расположении армии и отдельных корпусов за 1829 и 1830 гг.“ дают возможность установить точный маршрут Московского пехотного полка.

9 января 1829 г. г. Москва; 12 янв. на марше г. Подольск; 17 янв. г. Алексин; 22 янв. на марше г. Серпухов; 31 янв. на марше г. Одоев; 1 февраля штаб-квартира полка на марше Тульской губернии, село Богдановское; 4 февр. на марше г. Белев; 5 февр. г. Болхов; 1 марта Орловск. губ. г. Болхов; 12 февр. г. Карачев; 15 февр. г. Болхов; 1 апреля на марше Орловской губ. г. Брянск; 4 апр. г. Карачев; 10 апр. на марше г. Орел; 18 апр. г. Ливны; 23 апр. Землянский; 26 апр. г. Воронеж; 1 мая на марше ст. Яблочной и Норец; 6 мая Павловского уезда, слобода Михайлова; 30 мая

г. Новочеркасск; 31 мая на марше станица Махинская; 1 июня на марше станица Кагальницкая; 5 июня станица Нижне-Егорлыцкая; 19 июня г. Ставрополь; 25 июня Кавказской области, Георгиевского уезда станица Горячеводская; 1 авг. станица Горячеводская, с 1-го сентября

1 октября

1 декабря

1 января 1830 г.

} заштатный город Александров.

В Архиве Истории Революции в фонде III Отделения за 1829 г. имеется дело:

№ 75-й

1-й экспедиции

Архив

III Отделения

Собств. Е. И. В. канцелярии

О Московском университете и о стихах, приписываемых
студенту Полежаеву

на 19 л.

Т. о. 1 экспед.

75/1829

Дело возникло после ухода 14-й дивизии на Кавказ, что избавило поэта от многих неприятностей.

Возглавляется дело отношением А. Х. Бенкендорфа к А. А. Волкову:

№ 313

Секретно

Милостивый Государь

Александр Александрович!

Препровождая при сем для соображения к Вашему Превосходительству доставленную мне записку о Московском Университете с приложением стихов, приписываемых бывшему студенту оного Университета Полежаеву имею честь быть с истинным почтением и совершенной преданностью

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга

Подпись: А. Бенкендорф
верно: Экспедитор Феодор

№ 625

9 февраль

Его Превосходительству А. А. Волкову

Карандашная надпись

„От Шервуда“:

„Благотворительное правительство наше, обращая непрестанно бдительное внимание на все средства и способы, служащие к благосостоянию народному, во всех своих действиях и предположениях обнаруживает ясно сию высокую цель.

Не смея входить в подробное рассуждение о влиянии, которое имеет просвещение, воспитание юношества и направление его образа мыслей и духа на благосостояние каждого государства, ограничиваюсь токмо некоторыми по сему предмету замечаниями, которые по исследованию и наблюдению правительства могут принятием надлежащих мер к пресечению зла принести существенную пользу.

Обращаясь от древних времен до настоящих, нельзя не убедиться в истине, что вообще просвещение, следовательно и образование юношества имело постоянно величайшее действие не токмо на нравы и характер лиц в настоящее время и грядущее потомство, но даже и на образ управления держав.

Прямое просвещение порождает порядок, устройство и следовательно водворяет общее спокойствие и благосостояние; ложное учение и мудрствование новейших философов, не освященное религией и прямыми понятиями об истине, влечет неминуемо за собою безбожие, разврат, безначалие.

Действия сего ложного учения были в наши времена, как известно, причиною величайших политических потрясений и кровопролитий. Основываясь на сих началах, нельзя не скорбеть душою, входя в исследование вообще теперешнего положения Императорского Московского Университета и направления духа учащих в оном; заведение сие есть одно из первых, основанных в России. Известные сочинения оным изданные и многие лица, проходившие с честью государственное служение, образовавшиеся в оном, ясно доказывают, какую существенную пользу оное принесло отечеству. (Вся эта тирада (от начала) зачеркнута карандашом.)

Московский Университет, находясь постоянно под управлением начальников, известных даже в ученом свете сведениями благонамеренными, видами и собственными своими учеными произведениями, мог соревновать с первоклассными университетами в Европе. Уважение профессоров и учащихся к лицам начальствующим, внушаемое тем высоким понятием, которое они по политическому и ученому их положению имели, преграждало путь ко всякому ухищренному ложному учению и направлению. С 1817 г. замечен стал некоторый упадок в Университете, стеснение без основания мнений, строгий надзор за исполнением одних токмо ритуалов религии, слабость к подчиненным, малое уважение к ограниченным сведениям начальствующего, народный ропот, безбожие и либерализм. Образ мыслей при таком расположении умов естественно более сообщался и увлекал неопытных к ложным мнениям. Враги всеобщего спокойствия отечества, пользуясь всяким способом к достижению предначертанных планов, пользуясь сим направлением духа, раздували по возможности искру либерализма, гнездившуюся в сих юных сердцах. Более тысячи юношей образуются в Университете, в числе оных несомненно находились люди с пылкими чувствами и отличными способностями. Увлекаясь неудовольствием, стеснением неосновательным, подстрекаемы будучи людьми благонамеренными, они говорили, писали и увлекали других. Плод сего общего ропота обнаружим в писаниях не токмо учащихся, но и самые профессора не скрывали в лекциях и сочинениях своих либеральный свой образ мыслей. Для прекращения сего начала были приняты токмо меры ничтожные: из одного факультета профессора переводились в другие, направление же духа студентов было оставлено без малейшего внимания. Сам Государь Император вынужден был обратить свое Высочайшее воззрение на нравственное состояние Университета. Редко начальствующие, следуя высокому стремлению ко общему благу Государя Императора, спешествуют по их званию содействовать сей высокой цели. Исполнение сей благонамеренной воли остается бездейственно и ропот, происходящий от исполнителей оной, относится токмо к Государю Императору. Действительные меры к прекращению зла не токмо в настоящем виде полезны, но необходимы. Неоднократное появление стихов, сочиненных против религии, государя, отечества и нравственности, служит ясным доказательством необходимости к пресечению дальнейшего заражения".

В качестве приложения к этой записке на нескольких листах почтовой золотообразной бумаги приложены копии семи стихотворений Полежаева: „Вечерняя заря“, „Рок“, „Ренегат“, „Песнь ирокезца“ (?), „Валтазар“, „Живый (?) мертвец“, „Цепи“.

После текста этих стихотворений следует примечание:

„Означенные стихи, как говорят, написаны бывшим студентом Московского Университета Полежаевым, находящимся ныне в бородинском (sic!) пехотном полку рядовым, и который, как говорят, очень любим обществом офицеров; но оное требует еще исследования“.

Источниками для биографии Полежаева кавказского периода служат следующие:

1. Формулярный список Полежаева 1837 г., напечатанный частично в биографической статье о Полежаеве П. А. Ефремова при издании стихотворений (Пб., 1889).
2. Воспоминание о совместной службе с Полежаевым в Кавказском корпусе артиллериста С. А. Карпова („Новые сведения об А. И. Полежаеве“. — „Русский Архив“ 1882 г., т. II, вып. II, стр. 471—474).
3. Автобиографические произведения А. И. Полежаева кавказского периода: поэмы-дневники: „Эрпели“, „Чир-Юрт“, стихотворения „Герменчугское кладбище“, „Черная коса“, „Мертвая голова“, „Акташ-Аух“, „Тарки“ и пр.

4. Письмо декабриста А. А. Бестужева-Марлинского к Н. А. Полевому от 25 января 1834 г. „Русское Обозрение“ 1894 г., октябрь, стр. 833).

5. Рассказ о Полежаеве и Скольбанет, дочери аварского хана, в книге И. Березина: „Путешествие по Дагестану и Закавказью“. Казань, 1850, 2-е изд., стр. 78—79.

6. „Список офицерам и нижним чинам, получившим награды за отличие в сражениях против чеченцев“. Инспекторского Департамента Главного Штаба II отд., 4 ст., № 11145, 22 окт. 1831 г.

7. Представление унтер-офицера Московского пехотного полка Александра Полежаева к чину прапорщика в 1832 г. (указание на это имеется в памятной записке, приложенной к письму И. П. Бибикова к А. Х. Бенкендорфу от 21 июля 1834 г.).

8. Сведения о стоянках Московского пехотного полка 14-й дивизии. (Расположение армий и отдельных корпусов в 1829, 1830, 1831 1832, и 1833 гг., офиц. издание.)

9. Донесения А. А. Вельяминова и барона Г. В. Розена о военных действиях в Дагестане и Чечне в 1830—1833 гг. (взятие Чир-Юрта, Герменчуга, Гимр. См. Акты закавказской Археографической комиссии, т. VIII, Тифлис, 1880, стр. 687 и др. Статью Н. Волконского „Война на Восточном Кавказе в связи с мюридизмом“.—„Кавказский сборник“, т. XIV, Тифлис, 1890, стр. 107—110).

10. Описание военных действий под Чир-Юртом, Герменчугом и др. различные исторические и мемуарные источники.

Например: Торнау, Ф. Ф. „Воспоминания о Кавказе и Грузии“.—„Русский Вестник“ 1869 г., №№ 1, 2, 3, 4 и Н. Пауль. „Кавказские картины. Из записок очевидца“.—„Телескоп“ 1833 г., ч. 16, №№ 15 и 16.

11. Различные исторические и этнографические источники для характеристики горцев Дагестана и Чечни в связи с мюридизмом 1829—1833 гг.

12. Полезно сравнение с недавним героическим опытом Красной армии в минувшей гражданской войне: А. Тодорский. „Красная армия в горах. Действия в Дагестане“. Из-во „Военный вестник“. М., 1925.

Воспоминания о Полежаеве в кавказский период его жизни получили отражение в рассказе артиллериста и современника его С. А. Карпова, относящемся к 1830/31 г.

Нам удалось проследить генезис этого живого и ценного рассказа современника. Рассказ явился как коррективом к биографической статье Д. Д. Рябинина („Русский Архив“ 1881 г., январь, стр. 314—365), в которой утверждалось, что к „поэту на Кавказе относились как к преступнику и негодяю“. Старый кавказец, современник Полежаева, почтенный С. А. Карпов, испещрил поля книги „Русского Архива“ решительными замечками, поправками и дополнениями. Из них-то и составила статья, помещенная им в одном из очередных номеров „Русского Архива“.

С Иваном Петровичем Бибиковым Полежаеву довелось встретиться и познакомиться в Зарайске. Это было в начале 1834 г., когда Тарутинский егерский полк стоял по возвращении с Кавказа в этом городе.

В виду особой роли, какую играл в биографии Полежаев И. П. Бибиков, следует перечислить здесь те документы, которые помогают уяснению сторон темных и неразрешенных.

Об И. П. Бибикове имеются следующие архивные документы:

1. Формулярный список лейб-гвардии Драгунского полка Бибикову Большому о службе его и прочем, составлен в 1817 г.

2. „Из формулярного списка о службе и достоинстве жандармского полка полковника Бибикова, генваря 10-го дня 1828 г.“

3. Дело по высочайшему повелению о пожаловании отставного полковника Бибикова в статские советники с причислением к Герольдии. Вступило и решено 13 февраля 1826 г., № 99 на 4 листах, I отд., 1 ст. 1826 г., № 75, св. 268.

Здесь находится письмо И. П. Бибикова А. Х. Бенкендорфу от 12—13 февр. 1826 г., опубликованное в биографии А. И. Полежаева изд. „Academia“, М., 1933, стр. 72—73. В деле имеется поименованный выше формулярный список л.-гв. Драгунского полка полковнику Бибикову Большому, составленный в 1817 г.

4. Дело по рапорту шефа жандармов, командующего Императорской главной квартирой, ген.-ад. Бенкендорфа об испрошении на помещение в корпус жандармов числяще-

гося при Герольдии ст. сов. Бибикова полковником, на 8 листах, I отд., 1 ст. 1826 г. № 310, св. 285.

5. Дело № 117 по рапорту ген.-ад. Бенкендорфа о увольнении от службы жандармского полка полковника Бибикова. Решено 19 февраля 1828 г., на 11 л., св. 682.

Здесь находится формулярный список о службе и достоинстве жандармского полковника Бибикова, генваря 10-го дня 1828 г., поименованный выше.

Сведения о деятельности жандармского полковника И. П. Бибикова имеются в следующих источниках:

1. Шильдер, Н. К. „Николай Первый“, ч. I, Пб., 1903, Приложение, стр. 781—782 (здесь напечатана инструкция А. Х. Бенкендорфа жандармского полка полковнику И. П. Бибикову).

2. Письмо В. И. Туманского А. С. Пушкину („Переписка Пушкина“, изд. Академии Наук, Пб., 1908, стр. 8).

3. Модзалевский, Б. Л. „Пушкин под тайным надзором“, 3-е изд. „Труды Пушк. Дома“, 1925, стр. 15—19 и 63—64.

4. Троицкий, И. М. „Жизнь Шервуда Верного (очерки и материалы)“. М., 1931 (стр. 107—125).

5. Полежаев, А. И. Стихотворения под редакцией В. В. Баранова, предисл. Л. Каменева, изд. „Academia“, 1933, стр. 69—74 и 109—116.

Группу неопубликованных архивных материалов об И. П. Бибикове, существенно дополняющих представление о его личности и уясняющих взаимоотношения его с Полежаевым, составляют следующие документы:

1. Дело о поездке И. П. Бибикова по российским ярмаркам. Дело III Отделения Соб. Е. И. В. канцелярии.

И. П. Бибиковым 24 июня 1827 г. было получено предписание: „Обратить внимательный взгляд на первостепенные ярмарки в государстве и собрать точнейшие сведения как насчет рода промышленности и торговли, так и насчет стечения разного звания людей в сии места под разными видами и предложениями временно скопляющихся для многообразных оборотов позволительных и непозволительных“.

На поездку Бибиковым была получена тысяча рублей.

Здесь находится полный отчет И. П. Бибикова о совершенной им по предписанию Бенкендорфа служебной поездке для обследования российских ярмарок, содержащий довольно значительный материал, характеризующий Бибикова.

1. Рассуждение о прежней Макарьевской ярмарке и о причинах перевода ее к Нижнему-Новгороду.

2. Краткое обозрение новоустроенного в Нижегородской ярмарке гостиного двора.

3. Замечания о Нижегородской ярмарке и о разных предметах, вообще до торговли и промышленности касающихся.

4. Секретно. Суждение о главной причине упадка торговли и промышленности и о предполагаемых средствах к поправлению оной.

5. Секретно. Политический взор на Нижегородскую ярмарку.

6. Ведомость о количестве и ценах товаров на Нижегородской ярмарке в 1827 году. 20 VIII 1827 г. Ниж.-Новгород, л. 5—43.

7. Политические замечания о Лебедянской ярмарке, л. 43.

II. Десятая Пятница. Стихотворение И. П. Бибикова 1828 г.

Стихотворение записано дочерью И. П. Бибикова Е. И. Бибиковой-Раевской. Тетрадка со стихами последней находится в семейном архиве Мордвиновых. Стихотворение является своеобразным отображением впечатлений, полученных автором в служебной командировке III Отделения. Материал может пополнить вопрос о взаимоотношениях поэта Полежаева и жандарма-литератора И. П. Бибикова.

В заключение следует снова привести знакомые уже читателю:

III. Дело III Отделения собственной Е. И. В. канцелярии 1 экспедиции о Московском Университете и о стихах, приписываемых студенту Полежаеву, на 19 листах. Т. о. 1 экз. 75/1829 г.

К этому делу в 1834 г. было подшито письмо И. П. Бибикова к бывшему своему сослуживцу и родственнику А. Х. Бенкендорфу от 21 июля 1834 г. Это—горячее за-

ступничество за некогда им же погубленного Полежаева. В русском переводе напечатано нами в биографическом очерке Полежаева (Полежаев, А. И. „Стихотворения“. Изд. „Academia“. М., 1933, стр. 114—115).

А. Х. Бенкендорф, родственник Бибикова, дал ход его ходатайству в приводимом ниже письме военному министру графу А. И. Чернышеву.

Возникло новое дело „О монаршем воззрении на участь унтер-офицера Тарутинского егерского полка Полежаева“. Начато 10 сентября 1834 г., кончено 4 декабря 1834 г.

На 10 л., № 11097.

№ 6158

№ 8782

инспек. III

Департамента

по канцелярии № 13349
по 2-му отдел. № 11097

29 августа

1834 г.

получено

8 сент. 1834

в 36 т/о

Милостивый Государь
граф Александр Иванович!

Частным образом получил я от лица, заслуживающего совершенного доверия, сведения, что бывший студент Московского Университета Александр Полежаев, отправленный в 1826 году по высочайшему повелению вследствие найденных у него предосудительных стихов на службу в Кавказский корпус, совершенно переменил свой образ мыслей и, оказав в двух экспедициях против горцев особенную храбрость, продолжает ревностною службою и отличным поведением обращать на себя внимание начальства, которое якобы уже в 1832 году представило его к награждению офицерским чином.

О сем я долгом поставляю сообщить на милостивое усмотрение Вашего Сиятельства, прилагая у сего доставляемый мне, в некоторое подтверждение вышепомянутой перемены в образе мыслей Полежаева, экземпляр сочиненных им в недавнем времени стихов, в коих выражает он искреннее свое раскаяние и упование на облегчение его участи.

С отличным почтением и
преданностью имею честь
быть Вашего Сиятельства
покорнейший слуга

Подписал Граф Бенкендорф

Верно: Помощник экспедитора (подпись).

Перед словом „упование“ зачеркнуто: твердое; после слова «на» зачеркнуто: беспредельное милосердие Государя Императора—все это густо зачеркнуто. При письме прилагалось стихотворение „Тайный голос“. Это каллиграфическая копия, сделанная Екатериной Ивановной Бибиковой, с присоединением известных четырех строф, присочиненных И. П. Бибиковым.

Отдельно на восьмушке — „памятка“ о Полежаеве:

„Унтер-офицер Полежаев в 1832 году состоял на службе в Московском пехотном полку, находившемся тогда на Кавказе (в составе 14-й пехотной дивизии), был представлен от ген.-ад. барона Розена к производству в офицеры, но Высочайшего соизволения не последовало.

Ныне же Полежаев с сентября месяца 1833 года состоит в Тарутинском егерском полку.

Мнение
спросить Главнокомандующего
3 сент.*

Министерство
Военное
Департамент
инспекторский
отдел II
стол 3
Санктпетербург
10 сент. 1834
№ 6185

Милостивый Государь
Николай Николаевич!

По поручению г. военного министра имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство почтить уведомлением, каково ведет себя по службе унтер-офицер Тарутинского егерского полка Александр Полежаев, поступивший в службу в 1826 году вследствие найденных у него предосудительных стихов, и изволит ли г. Главнокомандующий 1-ю армиею наказать его достойным Монаршего воззрения.

С совершенным почтением имею честь быть
Вашего Превосходительства покорнейший слуга
Подписал генерал-адъютант Клейнмихель
Верно—столоначальник Михаил

Его Превосходи-
тельству
Н. Н. Муравьеву
Исп.
департ.

по 3-му отд. № 6757

получено 5 ноября
1834

по канцелярии
Главнокомандующего
1-й армией
2 отделение
№ 1916
22 октября 1834
Главная квартира
в Киеве

Дежурному генералу Главного Штаба
Его Императорского Величества
Господину генерал-адъютанту и кавалеру
Клейнмихелю

Исправляющего должность начальника
Главного штаба 1-й армии

Р А П О Р Т

Высочайше
повелено
производством
унтер-офицера
Полежаева в
прапорщики
повременить.
Ноября 29 дня
1834

По докладу г. Главнокомандующего армией отношения Вашего Превосходительства ко мне от 10 минувшего сентября № 6185 об унтер-офицере Тарутинского Егерского полка Полежаеве, поступившем в службу в 1826 году, вследствие найденных у него предосудительных стихов,—его сиятельство, имея в виду засвидетельствование ближайшего начальства об усердии к службе и хорошем поведении унтер-офицера Полежаева, признает его заслуживающим монаршего воззрения.

О чем я имею честь донести Вашему
Превосходительству

ген.-ад. Муравьев.

При сем представляется справка.

ген.-ад.
граф [подпись]
по журналу
входящ. 1669
докладов иск. № 293

Документальных данных о Полежаеве за период 1835—1837 гг. в нашем распоряжении не было.

Пребывание поэта в пределах 6. Калужской губ. (преимущественно в южной части Жиздринского уезда) фиксируется следующими показаниями (справками):

1. Официальным указателем дислокации армии и гвардии за указанные годы.
2. Наличием ряда локально связанных стихотворений в автографическом альбоме, принадлежащем Лозовскому: „Село Печки“, „Нечто о двух братьях кн. Львовых“, наконец „На память о себе“.
3. „Очерки из истории 67-го пехотного Тарутинского в. герцога Ольденбургского полка“. Составил штабс-капитан Рыжков. Пб., 1896.

Полный формулярный список Полежаева имеется при деле по представлению командира 6-го пехотного корпуса о пожаловании наград нижним чинам, разжалованным в сие звание за проступки из офицеров (св. 1005; начат 25/X 1837 г., кончен 31/I 1838 г. См. лл. 6, 10, 47—54, 80).

Напечатан формулярный его список в части военных операций, участником которых он был, П. А. Ефремовым (стихотворения А. И. Полежаева под ред. П. А. Ефремова. Пб., 1889, стр. XL—XII), а позднее проф. Е. А. Бобровым.

Более ранние формулярные списки Полежаева имеются:

1. В военно-судном деле 1827 г., см. выше.
2. В деле о представлении его к чину унтер-офицера 1831 г. (форм. сп. 1829 г., № 10091).
3. В деле 1834 г. „О монаршем воззрении“ (см. выше).

В Лефортовском военно-историческом архиве имеется список офицеров 11-й пехотной дивизии. На обложке надпись: „11-я пехотная дивизия переименована в 17-ю приказом военного министра 26 апреля 1835 г., № 53. Список начат с 8 ноября 1833 г. Составлен по 27 июля 1842 года“. Здесь перечислены все офицеры полков Бутырского, Московского, Бородинского и Тарутинского по старшинству от полковников до прапорщиков с указанием на их старшинство, награды, отпуска, взыскания и получаемое вознаграждение. Список представляет собой исчерпывающий справочник и дает конкретные сведения о сослуживцах, современниках Полежаева. Отсюда биограф Полежаева узнает о командире Тарутинского егерского полка полковнике Святогор-Штепине, Василии Даниловиче. Здесь записан каждый отпуск его и жалованье 550 руб. в год (оборот листа 159); о Любавском, командире Московского пех. полка, кавказском начальнике поэта, представившем его поэму „Эрпели“ начальнику дивизии Розену, за что Полежаев получил от последнего 25 рублей; о майоре Московского полка Филонове, кавказском начальнике Полежаева, убитом при взятии аула Герменчуг. Здесь же находим фамилию прапорщика Перфильева, полкового адъютанта, принесшего Е. А. Дроздовой (ур. Комаровой) известие о жестоком телесном наказании, перенесенном Полежаевым незадолго до кончины.

Представление и высочайшее „утверждение“ рядового Московского пехотного полка Полежаева „за отличие в сражениях против чеченцев“ фиксируется отношением Инспекторского департамента Главного штаба Е. И. В. (отдел. II, стол 4) от 22 октября 1831 г. за № 11145 в Архив Инспекторского департамента.

Последнее представление к офицерскому званию было вместе с тем и последним служебным этапом. Его документирует обширное „дело по представлению командира 6-го пехотного корпуса о пожаловании наград нижним чинам, разжалованным в сие звание за проступки из офицеров“ (Военного министерства Инспекторского департамента отд. III, стола 1, № 669, св. 1005. Началось 25 октября 1837 г., кончилось 31 января 1838 г. на 88 лл. — см. лл. 6, 10, 47/54, 80). Испрашиваемая награда, „высочайше“ утвержденная 12 декабря 1837 г. в Царском Селе унтер-офицеру Тарутинского полка: чин прапорщика, с оставлением в том же полку.

Полежаев умер в военном госпитале 16 января 1838 г. Последних его минут коснулись лишь воспоминания Е. М. Дроздовой-Комаровой, да и в них трудно установить с точностью, где кончаются подлинные слова старушки-современницы Полежаева и где начинается обработка Белозерского. Вот почему точнее сослаться на документы. К их числу принадлежат последние документы о Полежаеве:

1. Запись в метрической книге при церкви Московского военного госпиталя за 1838 г. под № 48: „1838 года января 16 дня Тарутинского егерского полка прапорщик Александр Полежаев от чахотки умер и священником Петром Магницким на Семеновском кладбище погребен“.

В книге „История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его основания, составленная ординатором А. Н. Алелековым при участии главного врача Н. И. Якимова“ (М., 1907) нами почерпнуто на странице IX следующее безотрадное признание, сразу дезориентирующее всякие поиски: „Госпитальный архив, к сожалению, исчез; от стародавних времен остались лишь две книги: описи дел, хранившихся в архиве, первая обнимает время с 1819 г. по 1820 г., вторая же с 1829 г. по 1869 г. Никаких дел за этот период не сохранилось“.

2. Всеподданнейший рапорт командира Тарутинского егерского полка полковника Святогор-Штепина сообщал 3 марта: „Прапорщик Полежаев, находившийся для излечения болезни в Московском военном госпитале, 16-го числа генваря сего года от легочной чахотки волею божиею помре“.

3. „Высочайший“ приказ апреля 1-го дня 1838 года. В разряде: умершие исключаются из списков Тарутинского егерского полка прапорщик Полежаев.

Имеются сведения о высочайшем распоряжении похоронить Полежаева в заколоченном гробу. Проверить точность этого сообщения нам не пришлось. Впрочем как отрицательный ответ на весьма вероятный запрос начальства об отдании Полежаеву военных почестей при погребении следует признать это распоряжение весьма возможным.

IV. ПОЛЕЖАЕВ В МУЗЫКЕ. ИКОНОГРАФИЯ ПОЛЕЖАЕВА

Начиная с 30-х годов, стихотворения Полежаева стали перекладываться на музыку. Из сборника стихотворений 1832 г. Виллуаном, учителем и воспитателем братьев Рубинштейнов, переложен романс „Признание“ („В душе горит огонь любви“. М., 1833 г.) и „Песня“ (из Панара. „Как смешон, неumen муж ревнивый“). В 40-х годах А. Н. Алябьевым и в 50-х А. Н. Гурилевым положен на музыку „Сарафанчик“ („Сарафанчик, растеганчик“). Обе мелодии пользовались громадной популярностью; „Сарафанчик“ по свидетельствам современников обошел всю страну и распевался повсеместно. Названными композициями не исчерпывались опыты переложения на музыку стихотворений Полежаева: в демократических общественных группах, среди разночинства, студенчества и семинаристов были распространены в 40—60-х годах в гитарных песенниках романсы и песни Полежаева, в настоящее время исчезнувшие вместе с истрепавшимися старинными гитарными нотами. В собраниях этих нот, там, где они сохранились, можно найти и по сию пору ряд недошедших до нас в фортепианном изложении гитарных композиций. Сюда относятся: „Грусть“ („На пиру у жизни шумной“), „Русская песня“ („Долголь будет вам без умолку идти“), „Ахалук“ („Ахалук мой, ахалук“) и многие другие. Не исключена возможность вместе с нотными знаками найти затерянный текст Полежаева. Иногда достоверность найденного таким образом полежаевского текста может быть вполне вероятна. Кто не согласится например в изданном композитором Виллуаном тексте к его музыке узнать продолжение полежаевского перевода из Панара:

Ах чудна	Как хотеть	Для мужины
И жена,	Ей владеть	Гименей
Коль сопротива	Лишь одной	не прочной
И ревнива.	Им душой?	паутины!

В 1845 г. современником Полежаева, крупным композитором-дилетантом А. Г. Варламовым написана музыка к песне Полежаева „Разлюби меня, покинь меня, доля, долушка железная“. Эта песня может считаться одним из особенно удачных образцов специфического романсно-песенного репертуара середины XIX в. Романсы и песни Полежаева не составляли никогда салонного репертуара; в 50-х и 60-х годах они, в сопровождении музыки русских второстепенных композиторов-дилетантов, звучали на студенческих вечеринках. Аполлон Григорьев находил какое-то внутреннее соответствие между стихами Полежаева, музыкою Варламова и драматическою игрою Мочалова.

В 70-х годах слова той же песни „Разлюбил меня, покинь меня, доля, долюшка железная“ вновь послужили композитору П. П. Сокальскому. Известны его же композиции к игривой ранней песенке Полежаева „Любовь“ („Свершилось Лилетте четырнадцать лет“ и песне „У меня ль молодца ровно в двадцать лет“). „Призвание“ („В душе горит огонь любви“), привлекая уже внимание Виллуана в 1833 г., использовано снова в раннем опыте Цезаря Кюи („Шесть романсов“, издание М. П. Беляева, Лейпциг, 1858).

В 80-х годах слова Полежаева продолжали служить новейшим музыкальным композициям. Таков романс М. В. Бегичевой (изд. Юргенсона) на слова А. И. Полежаева „Звезда“ („Она горит, моя звезда“. М., 1881).

В 90-х годах сюжетом для музыкальной работы начали служить классические стихотворения Полежаева.

И. М. Рачинским написана „Песнь пленного ирокезца“ („Я умру! На позор плалам“).

* * *

Оригиналами большинства портретов А. И. Полежаева следует повидимому считать следующие четыре портрета:

Портрет, рисованный Уткиным (около 1829 г.), литография с которого работы Ястребилова приложена к первому изданию сборника „Кальян“ (М., 1833).

Акварель Е. И. Бибиковой, сделанная ею летом 1834 г. в подмосковном селе Ильинском; гравюра-копия, сделанная в Лейпциге, приложена к стихотворениям А. И. Полежаева под ред. П. А. Ефремова (Пб., 1889).

Акварельный портрет, рисованный В. И. Ленцом в Москве в 1836 г., копия-литография в „Историческом Вестнике“. (1891 г., апрель) при „Воспоминаниях“ Макарова.

Портрет работы неизвестного художника, изображающий поэта на смертном одре. С портрета сделана была художником Сиверсом литографическая копия.

Из перечисленных подлинных портретов Полежаева только один последний его портрет уцелел и хранится в Государственном Историческом музее. Местонахождение прочих не выяснено.

Многочисленные портреты Полежаева, воспроизводившиеся в разных журналах и других иллюстрированных изданиях, чаще всего варьируют на разные лады первый портрет. Из всех вариантов укажем на один, в котором с похвалой отзывалась Е. А. Дроздова (урожденная Комарова), современница Полежаева, его хорошо знавшая (см. ст. Белозерского в „Историческом Вестнике“ 1895 г., ноябрь).

В 1838 г. после смерти поэта по требованию цензуры к портретам его, воспроизводимым при сборниках его стихотворений („Кальян“, 3-е издание. М., 1838 и „Арфа“ М., 1838), стали пририсовывать офицерский мундир и эполеты, каких при жизни поэт никогда не носил. По общему суждению лиц, знавших и помнявших поэта, это особенно плохие его портреты. Лицо первого портрета искажено до неузнаваемости „пошлой улыбкой“. Это — официальный портрет Полежаева.

Совершенно мифический портрет Полежаева дан „Нивой“ в 1892 г. при стихотворениях поэта под редакцией А. И. Введенского. Воспроизведенный здесь в прекрасно исполненной в Лейпциге Брокгаузом гравюре офицер, нисколько не напоминающий Полежаева, оказался корнетом лейб-гвардии конного полка Александром Ефимовичем Рынкевичем. Ошибка вполне установлена заявлениями родственников фигурировавшего (увы и до сих пор еще фигурирующего) в качестве Полежаева лица (Дмитрия Ефимовича Рынкевича и его племянницы Лидии Андреевны Ростопчиной)⁵. В свое время эта ошибка вызвала шум, но со временем эпизод был забыт, а громадные тиражи „Нивы“ и отдельное издание, предпринимаемое тем же Марксом на веленовой бумаге, сделали свое дело.

Качество второго портрета, акварельного, работы Екатерины Ивановны Бибиковой, может быть установлено собственным ее свидетельством на склоне лет, в воспоминаниях ее о встрече с Полежаевым („Русский Архив“ 1882 г., кн. 6, стр. 233—234).

„Я тогда недавно начала учиться живописи, портрет этот писан акварелью ученической рукой, но он разительно похож, тогда как оба портрета, изданные при стихотворениях Полежаева, его нисколько не напоминают“.

Подтверждением сходства портрета несомненно может служить и то, что когда посланному от командира полка за неявившимся в срок поэтом фельдфебелю был показан портрет, он тотчас же его признал.

Через несколько лет Е. И. Бибикова получила от Академии Художеств диплом на звание портретистки.

Третий портрет защитить труднее. Ленц без сомнения был менее искусен в своем мастерстве, да и самая литография „Исторического Вестника“ тоже оставляет желать лучшего. И при всем том безусловное доверие внушает этот неискусный рисунок, изображение замученного, заезженного тяжело жизнью человека. На этом лице с резким профилем и огромными печальными глазами лежит та особая суровая печать, которая отличает солдата николаевской эпохи.

В марте 1889 г. Е. И. Бибикова-Раевская писала редактору журнала „Русский Архив“ П. А. Бартеневу о желании своем передать в одно из московских книгохранилищ рисованный ею в 1834 г. акварельный портрет Полежаева и просила Бартенева быть посредником. П. А. ответил полною готовностью „быть посредником в передаче полежаевского портрета в вечное хранение в один из здешних музеев“. О том, что передана этой „редкости“ состоялось, мы заключаем из отчета б. Румянцевского музея и библиотеки за 1889—1892 гг., где на стр. 87 внесен акварельный портрет А. И. Полежаева работы Е. И. Бибиковой (№ 109). Несмотря однако на это указание, усилия, направленные нами к разысканию этого портрета, не увенчались успехом, что следует считать результатом беспорядочного распыления коллекций национального значения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ За полным отсутствием рукописных списков. этих поэз нет возможности судить, в какой мере цензура в лице цензоров С. Т. Аксакова и И. М. Снегирева распорядилась их текстом. Несколько пропусков было впрочем отмечено П. А. Ефремовым и восстановлено по вставкам на экземпляре, принадлежавшем М. И. Михайлову. Это вставка к „Эрпели“, глава II, стих 9. Цензор не согласился пропустить намек на факт оставления Полежаевым университета — событие, происшедшее по высочайшему повелению.

В другом месте цензура не пропустила сравнения генерала А. П. Ермолова (собственно результатов и быстроты его действий) с азиатской заравой. Этот стих („Чир-Юрт“, гл. I, стих 196) был цензурно опущен. Это конечно единичные пропуски, сохраненные случайными пополнениями, сделанными авторитетной рукой. Многие же стихи выпущены и пропали, оставив в тексте незаполненные бреши.

² Оксман, Ю. Г., А. И. Полежаев перед судом николаевской цензуры. — „Ученые записки высшей школы г. Одессы“, вып. I, Одесса, 1921.

³ Части этого большого послания к А. П. Лозовскому печатались в следующих периодических изданиях: стихи 1—20 „Ты хочешь, друг“ под заглавием: „Другу при посылке стихов“ — в „Галатее“ 1829, ч. 3, № 12; стихи 1—30 „Оставлен всеми, одинок“ под заглавием „Отрывок“ — в „Галатее“ 1829 г., ч. 6, № 30; стихи IV, 27—61 „И я в тюрьме“ — в „Галатее“ 1830, ч. 12, № 6. Н. К. Кетчером в издании 1857 г. напечатаны стихи 1—55 „Ты мне чужой“ под заглавием „А. П. Л...у“, а стихи 1—10 „Ты хочешь, друг, чтобы рука“..., затем стихи 1—4 и вся III часть („Воспоминанья старины“ — под общим заглавием „К нему же“).

Отрывки этого большого стихотворения кроме того печатались в журнале „Развлечение“ (1860 г., № 19) под заглавием „Отрывки из поэмы „Узник“ и в заграничном издании „Русская потаенная литература“ Н. П. Огарева. Лондон, Трюбнер, 1861, а в 1881 г. с общим заглавием „Спасские казармы“ (?) — в биографической статье Д. Д. Рябинина „А. И. Полежаев“ („Русск. Арх.“, т. I, кн. 2, стр. 343—347). №№ 2 и 6 публикуются по автографическому сборнику ИРЛИ, №№ 4 и 5 — по автографу Госуд. Исторического музея (бумаги Бахрушина, № 45065), № 1 и 3 — по авторитетным спискам из архива Ф. А. Кони, хранящегося в ИРЛИ.

⁴ Материал крестьянской молвы (записи за покрывкинским караульщиком Шигеловым Л. И. Поливанова в 1861 г.) указывает на связь Струйского с другой женщиной и убийство ими первой его наложницы. Уголовное преследование, начатое против Струйского в 1817 г., молва связывала с несколькими преступлениями, которые начались убийством его первой любовницы с участием второй. Материалом изустной крестьянской молвы следует пользоваться с большой осторожностью, но для направления архивных разысканий значение этого материала неоспоримо.

⁵ См. „Новое Время“ 1894 г., №№ 6489 и 6476, а также статью П. А. Ефремова „Мнимый портрет Полежаева“ в № 6453 и наконец статью самого редактора стихотворений А. И. Введенского в № 6456.

ВАСИЛЬЕВСКИЙ БУЛЬВАР

От автора

Вам, приятели бульвара
 Это посвящаю я,
 Знаю, что такого дара
 Вы не ждали от меня.
 Что же делать, коль не можно
 Не смеяться над смешным,
 Правду говорить всем должно
 И знакомым и чужим.
 А кому из вас случится
 Свой смешной узнать портрет
 Право неачто сердиться
 Лучше не смешить вперед.

* * *

Что же в книгах я зарылся?
 Солнечный прошел уж зной
 И давно бульвар покрылся
 Здешних жителей толпой.
 Чай давно уж все в параде
 И пускают пыль в глаза,
 Да и я в своем наряде
 Выйду хоть на полчаса.
 Ба! Какое же собранье
 Щеголей на уголку,
 Что за хохот и кривлянье
 Руки à la mode в боку.
 Критикуют всех прохожих
 Полуфранцузским языком,
 Но у них какие рожи!
 Чудаки все чудаком!
 Кто в веснушках, кто в рябинах,
 У иного — птичий нос,
 Кто в ужаснейших морщинах,
 Кто прищуроват, кто кос,
 Ну как будто бы нарочно
 Все уроды чудаки,
 И сказать о них чтоб точно,
 Все немецкие сынки!
 Вот еще из этой шайки
 Запыхавшись весь бежит,
 Припевая трай-лай-лай-ки
 К братии своей спешит
 И с поклоном кувыркальным
 Всем твердит comment vous vas?
 Он приятелем бульварным
 Уж слывет здесь года с два.
 Вот собранье другое
 Заслонило весь бульвар,
 Разна сволочь в сем конвое,

Все спешат как на пожар.
 Первый сорт повес скончался,
 Начался второй разряд,
 Вихрем серый фрак промчался
 Освежить свой кислый взгляд.
 Машет беленьким платочком
 Полвоенный щеголек
 И бемольным голосочком
 Он мычит как козенок!
 Это что за привиденье
 Шаркает смотря в лорнет,
 Ах, ошибся в заключение
 Это славный петиметр.
 Весь он в черном одеянии,
 Тем быть думая милей,
 Но у всех на посмеянии,
 Мил в стране лишь он своей,
 С ним в мундире синем шитом
 Отставной идет жених,
 Бывши дураком набитым,
 Он хотел поддеть других.
 Вот двадцатой линии житель
 Всех толкает под бока,
 Не шутите вы: учитель
 Он французска языка.
 Вот таможенный молодчик
 Иму клявшийся любить,
 Он в трактир идет дружочек
 О разлуке с ней грустить.
 Исполдобья выглядая,
 Секретарь идет тупой [глупой?]
 Взор насмешливый бросая,
 Он смеется сам с собой.
 В светлосером сюртученке
 катит,
 Точно бахус на боченке
 У него от пьянства вид.
 Он советник титулярной
 И с медалькою притом,
 Стряпчий самый регулярной
 Рад за деньги бить челом.
 Вот грузине полновесны
 Каракатицей ползут
 И свои усы прелестны
 Пуще глаза берегут.
 Как от смеху удержаться?
 И купеческий уж сын
 Также вздумал надуваться,
 Нарядясь как дворянин!
 Бакенбарды отрастивши,

Смотрит козырем на всех,
 Деньги плутнями наживши
 Нос дерет пред всеми вверх.
 Вслед его три брата рядом
 В одноцветных сюртуках
 С гордым и дурацким взглядом
 Выступают на дыбах!
 Начался разбор и третий:
 Поползли питомцы муз.
 Вот словесник разодетый
 Мрачен как винновый туз.
 Вот историк знаменитый
 И географ вместе с тем
 Вам являет вид сердитый,
 Тьма в его уме систем,
 И природы созерцатель
 Вышел ум свой освежить,
 Бывши мудрости приятель,
 Он с амуром стал дружить;
 Вот первейший математик
 Помешавшийся в уме:
 Презабавнейший флегматик,
 Сердца вид он дал земле!
 Бледные имея лица,
 Два Ариста вдруг бегут
 Как вырвавшись из темницы
 И друг друга берегут!
 Вот смешная образаина
 Академии портретист,
 С ним такая ж чудачина —
 Долговязый ландшафтист.
 Миньятюр угодник дамской
 Точно на пружинах весь;
 Марширует к Хлое страстной,
 Тихи сумерки провести.
 Вот ваятель, друг скульптуры
 Смотрит в землю сентябрем,
 Вот и сын архитектуры
 Вслед катится кубарем!
 Живописец наш унылый
 В светлосером весь одет
 И к своей старушке милой
 Розанчик в руках несет!
 Вот и виртуоз надменный
 Выступает под каданс
 И из нот всея вселенной
 Мыслит выбрать модный вальс.
 С ним магистр недоученый,
 Хоть прошел весь курс наук,
 В новом фрачке разряженный
 Выползает так, как жук!
 И танцмейстер наш чудесный
 Тут же, лапочка, идет,
 В обуви своей прелестной
 И ногами он летет.

Поднялась пыль столбовая
 И раздался шпорный звон —
 Вот военница родная
 Поползла со всех сторон!
 Исполинскими шагами
 Голову сломя летит
 Улан с рыжими усами
 Саблей наподряд стучит!
 Вот недавно постриженный
 Прапорщик, гордель большой,
 Натянув мундир зеленый,
 Сам любит себя собой!
 С ним подобной же модели
 Подпоручик друг его, —
 Точно соскочил с постели
 Negligé все у него!
 Вот пузатенький поручик
 Нос повесил, вид смущен,
 Видно уж опять голубчик
 В горничную он влюблен.
 Капитан в любви несчастный
 Тут же кротко прикатил,
 Чтоб понравиться прекрасной,
 Бакенбарды он обрил!
 Но жестокая судьбина
 Напротив ему во всем,
 Милая Александрина
 И не думает о нем!
 Вот шалун первостатейный,
 Презабавнейший чудак,
 Волокита презатейный
 И почтеннейший моряк.
 Он манерно выступает,
 Руки положив назад,
 И исподтишка мигает
 Всем ветеранам наподряд.
 Ну как будто на тревогу
 Кучей воины летят,
 Надобно им дать дорогу,
 Все в кондитерску спешат.
 И минуты восхищенья
 Наступили для сердец!
 Вот прелестные творенья
 Появились наконец!
 Как голландочки одеты,
 Три сестры гуськом идут
 И свои увядши леты
 С воздыханием кланут!
 Первой гильдии кокетка
 Догоняет их летком
 Пучеглазая брюнетка
 В желтом платье щегольском.
 С нею шаркает ужасно
 Щеголь самый записной,
 Друг на друга смотрят страстно

И амурят меж собой!
 Вот ветрана молодая
 С папенькой идет своим,
 Взоры модные бросая
 Улыбается [к] иным!
 Тут же братец ненаглядный
 Кавалерии корнет
 Сухощавой и нескладной
 Все глядит на свой колет!
 Что за топот отдается,
 Видно множество людей,
 Целая кадриль несется
 Генеральских дочерей.
 Милы все они, прелестны
 Помощью румян, белил
 И давно уже невесты —
 Гименей лишь их забыл.
 Вот профессорские дочки
 Ищут женихов себе:
 Им постылы все денечки
 И отрады нет нигде.
 Выступают две сестрицы
 Гренадерской вышины,
 Пречудесные девицы,
 Как на диво созданы.
 С ними инженер и штатской,
 Дорогие братцы их,
 Важной поступью дурацкой
 Со смеху морят других.
 Вот чудесные малютки
 С толстой матушкой своей
 Выползают так как утки
 Подмечая щеголей.
 Как на смех судьба жестоко
 Их на свет произвела:
 То коса, то кривобока,
 То чубата и хила.
 Все притом они старушки
 И все ищут женихов;
 Всякий день у них пирушки
 Для мужчин их дом готов.
 Одинаких перьев птицы
 Монастырки две идут,
 Устарелые девицы,
 Но себя младыми чтут.
 С ними же знакомки новы
 И в мобире пристяжной
 Для отуров все готовы
 Доступ к ним пренетрудной.
 Вот еще смешна фигура
 Чудной нос свой вверх дерет,
 Сушая карриатура:
 Дочь майорска в тридцать лет
 Размалевана, рябая,
 Тошно даже и взглянуть.

И нескладная, дурная,
 Только бы в горах воткнуться.
 С ней советник титулярной,
 Братец миленький ее,
 Также пугало бульварной
 И великий плут на все.
 Вот немецка старокрасса
 В черном платище своем,
 Вся в веснушках, рыжевласа
 Ну страшилище во всем.
 Вот прелестны англичанки
 Как зефир летят сам друг,
 Вот нескладные голландки
 Говорят, собравшись в круг!
 Вот в платках предлинных красных,
 В желтых шляпках пресмешных
 Парочка сестер прекрасных
 Из-за моря выписных!
 Крепко взявшись под ручку,
 Секретарша с муженьком
 Его сжавши крепко ручку,
 Тащит за собой следком.
 Вот с мальтийским кавалером,
 В коем жиру двадцать пуд
 Самым щегольским манером
 Две кокеточки идут.
 Но задача пребольшая
 Как одну из них назвать,
 Говорят, что дочь родная
 И притом боюсь сказать!
 С муженьком идет пузатым
 Миловида из купчих,
 Взором страстным хитроватым
 Ищет муженьков других.
 Дальше молода супруга
 С адъютантом муженьком
 Ласкают они друг друга
 Как голубка с голубком.
 Вот профессорские жены
 Тащут аргусов своих,
 Вы, о старики влюбленные,
 Стерегите жен своих.
 Подполковница чернявка
 Мужа страшного ведет
 И за ними до десятка
 Разной братьи их ползет.
 Это что за стара птица
 Чучелой наряжена?
 Не шутите вы, девица,
 Гравировщица она!
 С нею важно выступает
 Антик батюшка ее!
 Ей тихонько напеваает:
 Слушай, дочка ты моя.
 Долго ли тебе уроду

На моем все хлебе жить,
 Бьюсь — нет жениха, хоть в воду
 С камнем мне тебя пустить.
 Вот почти пол эскадрона
 Воспитанниц молодых
 Иностранка пансиона
 И сама мадам при них.
 Все попарно выступают
 И улыбкою своей
 Добровольно награждают
 Проходящих щеголей!
 Вот прелестные пастушки
 Всем мигают сподтишка,
 Превеликие вострушки,
 Хочется им женишка.
 Мила, ангел красотою
 С маменькой своей идет
 И улыбкою златою
 В души всех отрады льет.
 Вот и три сестрицы скромны
 Идут важно и гуськом,
 Тихо видны взоры томны,
 В одеянии простом!
 Генеральша пречудная
 Матушка их вслед идет,
 Дочерей оберегая
 С них и глаза не сведет.
 Ба! Что это за явление?
 Обращает взоры всех
 Не какое ль приведенье
 К нам спустилося на смех.
 Нет, прелестные графини,
 То зефирами летят,
 Булеварные богини

Всех улыбкою дарят!
 Вертопрашкам и кокеткам
 Новы тоны задают!
 И блондинкам и брюнеткам
 Всем уроки подают.
 С ними модными шагами
 Гвардии идет гусар
 И французскими словами
 Так и мечет на бульвар!
 Дальше три сестры смешные
 Также тон хотят задать,
 Устарелые, дурные,
 Хоть на выжигу отдать!
 Вот кокетка долговяза
 Выступает как павлин,
 Вдовушка и пучеглаза
 Приглядает на мужчин!
 Две купеческих ветраны
 Братца под руки тащат,
 Разодеты, разубраны
 И дворян пленить хотят.
 Ну теперь для смеху время,
 Признаюсь, что началось
 Вот купеческое племя
 Целою кучей собралось!
 Тут-то есть чем любоваться,
 Ведь почти гостинной двор,
 Но лишь в выжугу годятся
 Все купчихи на подбор.
 Ба! Да темно что-то стало,
 Ночь покров уж стелет свой,
 Посмеялся я немало,
 Не пора ли мне домой.
 Ха! ха! ха! ха! Ха! ха!